

Александр Калмыков

**Ангел Земной — тварь
Небесная**
заметки о православной антропологии

 LAMBERT
Academic Publishing

Актуальность изучения личности определяется тем, что в современной культурной реальности ослабляется элемент дисциплинарного принуждения и возрастает проблема внутренней самодисциплины, самоорганизованности, собранности и способности нести ответственность за самого себя, за раскрытие своих талантов и потенций. Наблюдаемое возвращение к православным ценностям для нашей страны является признаком возрождения народа, определяющего новые цели, новые идеалы. Новое миропонимание, в основание которого закладывается все лучшее из многовекового национального опыта, требует теоретико-методологической рефлексии, которая затруднена сложностью анализа «ангела Земного и твари Небесной», т.е. Личности, с научных рационалистических позиций. Но для развития современной науки без этого не обойтись. Приблизится, хотя бы на шаг, к решению этой задачи - цель настоящей работы.

Александр Калмыков

Закончил: факультет теоретической и экспериментальной физики МИФИ (1975); а затем психологический факультет ЛГУ (1988). В 2002 г. защитил диссертацию по педагогике, а в 2009 докторскую диссертацию по филологии - "Интернет-журналистика в системе СМИ: становление, развитие, профессионализация. Проф. каф. теории и практики общественных связей РГГУ.

9 783843 308342 978-3-8433-0834-2

Александр Калмыков

Ангел Земной — тварь Небесная

Александр Калмыков

**Ангел Земной —тварь
Небесная**

**заметки о православной
антропологии**

LAP LAMBERT Academic Publishing

Impressum/Imprint (nur für Deutschland/ only for Germany)

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen Warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Coverbild: www.ingimage.com

Verlag: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG
Dudweiler Landstr. 99, 66123 Saarbrücken, Deutschland
Telefon +49 681 3720-310, Telefax +49 681 3720-3109
Email: info@lap-publishing.com

Herstellung in Deutschland:
Schaltungsdienst Lange o.H.G., Berlin
Books on Demand GmbH, Norderstedt
Reha GmbH, Saarbrücken
Amazon Distribution GmbH, Leipzig
ISBN: 978-3-8433-0834-2

Только для России и стран СНГ

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>.

Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брендах и их можно использовать всем без ограничений.

Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Издатель: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG
Dudweiler Landstr. 99, 66123 Saarbrücken, Germany
Телефон +49 681 3720-310, Факс +49 681 3720-3109
Email: info@lap-publishing.com

Напечатано в России
ISBN: 978-3-8433-0834-2

АВТОРСКОЕ ПРАВО © 2011 принадлежат автору и LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG
и лицензиарам
Все права защищены. Saarbrücken 2011

Оглавление

3	<i>Введение</i>
7	<i>Глава 1.</i> Человек — проблема основания
17	<i>Глава 2.</i> Сретение Личности
27	<i>Глава 3.</i> Образ и подобие
33	<i>Глава 4.</i> Молитвенное предстояние
43	<i>Глава 5.</i> Зекрала Личности
53	<i>Глава 6.</i> Тело и скорби телесные
57	<i>Глава 7.</i> Индивидуальное, персональное и личностное сознание. Я в себе
67	<i>Глава 8.</i> Экологическое зеркало
75	<i>Глава 9.</i> Зерцало истории и политики, предназначение человека и народа
83	<i>Глава 10.</i> Виртуальная реконструкция антропологии Исаака Сирина
101	<i>Глава 11.</i> Антропология святителя Игнатия Брянчанинова
111	<i>Заключение.</i> Православная антропология и православная наука
117	<i>Библиография</i>

Введение

«Среди предметов необъятного мира вижу и себя — человека. Кто Я? Откуда и для чего являюсь на земле? Какая причина и цель моей земной жизни, этого странствования, краткого в сравнении с вечностью, продолжительного и утомительного в отношении к самому себе? Являюсь в бытие бессознательно, без всякого со стороны моей согласия; увожусь из этой жизни против моей воли, в час неопределенный, непредугаданный. Являюсь и увожусь, как невольник. Более! Являюсь и увожусь, как творение. Живу на земле, не зная будущего.(...) Способ отшествия моего из земной жизни страшен: он именуется смертью.(...), но во мне живет убеждение невольное естественное, что я бессмертен.(.) Человек — тайна для самого себя¹» — писал известный русский подвижник и духовный писатель XIX века в труде «Слово о человеке» святитель Игнатий (Брянчанинов).

Попытка осознать и описать сущность человека (антропологию) с позиций православного вероучения осуществлялась практически всеми религиозными мыслителями, поскольку этот вопрос является, чуть ли не главным для деятельности претендующей, и по праву, на средоточие идеалов и ценностей общественной жизни. Однако у тех же мыслителей часто можно встретить отрицание самого понятия православной антропологии и сетование на невозможность создать хотя бы в какой-то мере стройное богословское антропологическое учение.

Человек есть тайна не только для самого себя, но и для всякого стороннего пытливого ума, как тайна творения.

В духовных сочинениях вот уже почти двух веков христианства, тем не менее, можно найти множество откровений о человеческой сущности, глубоко психологичных в современном научном смысле этого слова, и знакомство с ними способно обогатить не только верующих, но и ни во что не верующих, мыслящих исключительно рационалистично.

1 Святитель Игнатий (Брянчанинов). Слово о человеке / Богословские труды №29. М.: Изд. Московской патриархии, 1989. С. 287.

Европейская и, в особенности, российская культура являются, прежде всего, культурами христианскими. Созданные этими культурами цивилизации основаны на христианском миропонимании. Даже в тех случаях, когда народы и государства как будто бы отворачивались от христианских канонов, становление и личности и общества происходило под мощным влиянием вероучения. Следовательно, без знания основ вероучений нельзя толком разобраться ни в современности, ни в истории.

«Актуальность изучения личности определяется тем, что в современной культурной реальности ослабляется элемент дисциплинарного принуждения и возрастает проблема внутренней самодисциплины, самоорганизованности, собранности и способности нести ответственность за самого себя, за раскрытие своих талантов и потенциал²». От того, что подразумевается в понятии человек, в конечном итоге зависит направленность и культуры, и экономики. «Вопрос о жизни, цели существования, — о том, как человеку жить, чтобы жить истинною жизнью, — поистине является альфой и омегой всякой философии и всякого религиозного учения. Как бы ни были отвлечены, туманны, подчас странны, и даже нелепы логические построения того или иного мыслителя, но раз он действительно мыслитель, а не промышленник мысли, раз он хочет истины, хочет слова исходящего из уст Божиих, а не хлеба, — последний конец и вместе точка отправления его философской работы все-таки будет он сам, его собственное положение в мире и такое или иное определение его жизненной задачи. Философия без выводов для жизни — не есть философия, а пустая игра в философские слова»³.

Возвращение к православным ценностям в наше время и для нашей страны является признаком возрождения народа, определяюще-

2 Белова Т.В. Личность, как Ипостась, как самостное существование. / Человек, Общество, Вселенная. М.: ГА ВС, 1994. С.46.

3 Опыт раскрытия нравственно-субъективной стороны спасения на основании Св. Писания и творений Святоотеческих Архимандрита Сергия. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1898. С. 15.

го новые цели, новые идеалы. Формируется новое миропонимание, в основание которого закладывается все лучшее из многовекового национального опыта.

Характерной чертой самосознания православного русского народа является космичность (в смысле Божественной упорядоченности) построения своего бытия, обостренное чувство ответственности за судьбу Мира и мессианские настроения. В формуле: «Ангел Земной и Тварь Небесная», как нельзя более четко отражено православное понимание предназначения человека, его место и роль в земной жизни.

Вместе с тем, научный анализ в традиционном смысле христианской антропологии затруднен невозможностью в рамках современной рационалистической (а точнее позитивистской) общенаучной парадигмы оперирования с понятиями, присущими вероучению.

Глава 1

Человек — проблема основания

Подходя к задаче реконструкции представления о человеке в христианстве необходимо обозначить то понятийное пространство, при котором эта реконструкция вообще будет иметь смысл. Внешний рационализированный (позитивистский) взгляд не обеспечит нужной полноты и глубины осмысления, поскольку предмет исследования ускользает от чисто рационалистического анализа, отбрасывающего все, что не укладывается в законы логики и современные принципы построения научного знания.

Позитивизм, а современная научная парадигма пока еще лучшего метода познания и не предлагает, весьма остроумно охарактеризовал А.Ф.Лосев:

Позитивизм есть попросту пошлейший нигилизм и религия дыромольства. Говорили: идите к нам — у нас полный реализм, живая жизнь; вместо ваших фантазий и мечтаний откроем живые глаза и будем телесно ощущать все окружающее, весь подлинный реальный мир, и что же? Вот мы пришли, бросили «фантазии» и «мечтания», открыли глаза. Оказывается — полный обман и подлог. Оказывается: на горизонт не смотри, это наша фантазия; на небо не смотри — никакого неба нет; границы мира не ищи — никакой границы тоже нет; глазам не верь, ушам не верь, осязанию не верь. Батюшки мои, да куда же мы это попали? Какая нелегкая занесла нас в этот бедлам, где чудятся только одни пустые дыры и мертвые точки? Нет, дяденька, не обманешь. Ты, дяденька, хотел с меня шкуру спустить, а не реалистом меня сделать. Ты, дяденька, вор и разбойник⁴.

Стало быть, такие понятия как «внутренний человек», «невидимый мир» в лучшем случае могут быть осмыслены лишь как специфические мифологемы, и их онтология может быть обсуждаема лишь

⁴ Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 593.

в мифологическом же ключе, со всеми вытекающими отсюда методологическими последствиями. Вместе с тем именно трансцендентное начало в человеке с религиозных позиций вообще, а с православных в особенности, составляет главную и определяющую часть Личности. Именно трансцендентное бытие является в подлинном смысле реальным, в подлинном смысле истинно человеческим.

Личность может опять-таки быть постигнута лишь трансрационально-монодуалистично, как единство раздельности и взаимопроникновения — как такое единство, сущность которого заключается в его непостижимости⁵.

Рациональное и иррациональное в человеке преходяще и определяет даже не образ, а тень личности, изменчивую форму, подверженную внешним влияниям и внутреннему стохастическому эволюционированию.

Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сём надобно судить духовно. Но духовный судит о всем, а о нём никто судить не может. Ибо кто познал ум Господень, чтобы мог судить его? а мы имеем ум Христов.

1 Кор. 2:14–16

Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную.

Гал. 6:7–8

⁵ Франк С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии. М.: Правда, 1990. С. 413.

Попытки сделать Человека Разумного основанием для самого себя породили множественные гуманистические учения, но так и не смогли однозначно определить свое же центральное понятие. В этом смысле примечательна статья П.С. Гуревича и В.С. Степина «Философская антропология: Очерк Истории»⁶, в которой проводится анализ различных концепций человека и антропогенеза в контексте философской антропологии. Хотя в ней авторы весьма иронично возвышаются над теологическими объяснениями «трезво пронизательное продумывание хода человеческой истории избавляет философов от теологических мифов, от неблагоприятной веры в предзаданность исторического процесса», тем не менее, они вынуждены констатировать:

высшее самосознание человека необъяснимо из природного мира и остается тайной для него. Оно есть абсолютный предел для всего научного познания. <...> Антропологическое сознание предшествует не только онтологии и космологии, но и философии познания, гносеологии, предшествует по существу всякой философии. Человек — особый род сущего. <...> Специфически человеческое нередко ускользает (а по нашему мнению всегда ускользает А.К.) от сайентистской парадигмы. Даже социология и психология не способны, судя по всему, дать идеальный образ человека и раскрыть проблему антропогенеза. в своей свободе и спиритуалистичности человек возвышается над природой. Человек не просто биологический феномен. Он существо, которое несмотря на все ограничения, *имеет трансцендентальную природу*⁷ и обладает возрастающей способностью подчинить природу человеческому контролю⁸.

Последнее, впрочем, вызывает обоснованные сомнения, куда уж человеку подчинять и контролировать природу, когда он сам себя под-

6 Гуревич П.С., Степин В.С. Философская антропология: Очерк Истории / Философские исследования 1-2. М., 1994. С. 162.

7 курсив А.К.

8 Там же. С. 163.

чинить и проконтролировать не может и когда его собственная реальность может быть подвергнута сомнению.

В самом деле: каждое мгновение нашей индивидуальной жизни что-то в нас меняет. Какие-то клетки умирают, какие-то рождаются снова. Подобное происходит, и с мыслями и с чувствами. Тем не менее, мы все время считаем себя самими собой, но на каком основании?

Когда человек погружается в обычный сон, или подвергается гипнозу, или падает в обморок, или в состояние клинической смерти, какие у него основания считать, пробудившись, что он это по прежнему он, а не кто-то другой?

Проблема самоидентификации как будто бы решается самой жизнью — обыденное сознание, не обремененное философской рефлексией решает эту проблему на основе своей личной мифологии. Этот процесс, в основном, происходит подсознательно. Обыденное сознание в норме состояния психики воспринимает самотождественность и самость, как само собой разумеющееся, хотя, пожалуй, каждый из нас хоть раз в жизни испытывал ощущения, выражаемые расхожей фразой: «Как будто заново родился».

Быть может, кому-то покажутся эти вопросы праздными и легко снимаемыми. Мол, еще древние говорили, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку, но от этого река не переставала быть той же самой. Проблему самотождественности реки, как объекта, действительно можно было бы оставить для формально-логического или схоластического дискурса. Проблема же самотождественности субъекта онтологическая.

Гуманистическое решение этой проблемы отсутствует. Лучшее, что может предложить гуманизм, в качестве идейно-философской базы современного знания,— довольно бессмысленный экзистенциальный лозунг: «Цель жизни — жизнь». Поиски же основания человека в социуме «человек — общественное или политическое животное», помимо известных развенчивающих эту идею практических последствий в форме строительства светлого будущего, приводят к модели муравейника.

Одной из предельных точек развития (если вообще не абсолютной вершиной) гуманизма можно признать учение Н.Ф. Федорова, поставившего перед человечеством грандиозную задачу⁹. По Н.Ф. Федорову общим делом человечества (долгом сынов) является воскрешение всех умерших. Он описал, для чего это необходимо, и как этого можно, в принципе, достичь. Но философу так и не удалось (в силу технологичности и в некотором роде материалистичности его учения) ответить на вопрос: на каком основании можно считать, в допущении действительной способности науки воскресить почивших, что она получит тех же самых людей, а не произведет новых из старого материала. Вернее, философ даже и не задавал себе такого вопроса, полагая, что человек полностью определяется своей памятью, следы которой можно собрать в культуре. Отсюда, кстати, его концепция живого мумие. То, что эти люди теоретически будут являться непрерывным продолжением прежних (при условии сохранения системы ценностей, установок и потребностей, образной и формально-логической памяти) еще не означает действительного воскрешения.

Таковым ли было воскрешение Лазаря?

Когда Голос владычный, сойдя во гроб с великим светом, сразу начал насаждать на голове Лазаря волосы, вlagать мозг в опустевшие кости, наполнять живую кровью вены, — пораженные подземные силы кричали друг другу: кто это зовет? Кто это самовластный? Голос человеческого звука, а сила Божия¹⁰.

Здесь не просто возвращение к жизни, а утверждение победы над смертью и, более того, владычества и над жизнью и смертью, а значит и над всем тварным миром.

Сам воскресший (в каноне к Лазарю XVI в.) обращается к Христу с такой речью:

⁹ Федоров Н.Ф. Сочинения. М., Мысль. 1982.

¹⁰ Творения святого Иоанна Златоуста. Слово о Марфе и Марии / Т. X, кн. 2. Свято-Успенская Почаевская Лавра, 2009. С. 852.

Одеял мя, Господи в беренное тело и вдохнул ми еси жизнь, и видех свет Твой, и въздвигл мя еси мертва повелением си. Жизнь славою и чту и свет Отца, Сына, также и дух, Троицу Святую, неслиянную ту же в трех лицах¹¹.

Глубокий философский смысл Чуда Воскрешения Лазаря, переносящий центр значения от простого возвращения жизни (и раньше Спаситель исцелял и воскрешал) на благовествование Спасения «новому» человеку, в полноте этого понятия, раскрывается в иконе св. Преп. Андрея Рублева из Благовещенского иконостаса. Явное различие иудеев (ветхого Израиля), которые изображены поверженными смертью, уstraшенными ею, и апостолов (нового Израиля), глазам которых открывается Божественный Свет, так же как различение ролей Марфы — синагоги — и Марии — церкви — открывает суть происходящего вселенского события, перехода к новой вечной жизни во Христа, и избавление от проклятия смертности, как таковой.

«Азмъ есть истина и жизнь» — говорит Спаситель. Основанием для человека в христианстве полагается Сам Бог.

Вера в Бога является основанием актуализации реальности бытия самого человека. Таким образом, Вера не может исчерпываться ни культурологическим, ни социо-психологическим контекстом.

В начале было Слово и Слово было у Бога и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все через него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. в Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков.

Ин. 1:1—4

Бог сотворивший мир и все, что в нем, Он будучи Господом неба и земли, не в рукотворенных храмах живет и не требует служения рук человеческих, как бы имеющий в чем-либо нужду, Сам давая всему жизнь

¹¹ Цитируется по Плагин В.А. Мировоззрение Андрея Рублева: (некоторые проблемы): древнерусская живопись как исторический источник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974.

и дыхание и все. От одной крови Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию, дабы они искали Бога, не ощутив ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас.

Деян. 17:24–28

Для того, кто верит, его личная целостность, самость и персонифицируемость определяются целостностью, самостью и персонифицированностью бессмертной души дарованной во Святом Таинстве Крещения со Святым Таинством Миропомазания, Верой в Господа Иисуса Христа Сына Божьего, Надеждой во Спасение от проклятия смерти, осуществленного Подвигом Спасителя и Любовью к Господу, как к самому себе.

Таким образом, основание человека, его оправдание и объяснение оказывается по природе трансцендентным, оперировать с которым рациональное знание просто не умеет.

Отбросить это основание, как не соответствующее научным представлениям, сославшись на то, что не все люди христиане, значит отбросить и соответствующие культурные и цивилизаторские феномены христианского мира. Следовательно, и всего мира, история которого неразрывно связана с проповедью Христа. Полученное в результате такого отбрасывания «лишних сущностей» существо действительно предстанет общипанным петухом с особым строением голосовых связок. Говорить при этом о какой либо психологии или антропологии или, вообще, о каком либо знании о человеке — было бы весьма самонадеянно.

С другой стороны, нельзя отказывать науке в праве исследования глубин человеческой души по тем же причинам, по которым нельзя отказывать в этом религии. Иррациональное, рациональное и трансрациональное совместно, действительно и реально присутствуют в человеческой психике и определяют его бытие.

Христианское представление о человеке в принципе диалогично. Именно по этому оно с трудом поддается систематизации и анализу.

Основное силовое напряжение, по нашему мнению, приходится на оппозиции:

Человек, как есть,
в его земном бытии

Человек, каким он
должен быть
по Замыслу Божьему

Нравственное и педагогическое содержание антропологического учения очевидно — от православного требуется постоянного движения к идеальному состоянию от своего настоящего реального состояния. Постоянного путешествия по дороге совершенства. Остановка означает духовную смерть вне зависимости от уровня достигнутого. Движению по этой дороге (что является одним из необходимых условий воцерковления) помогают тексты духовно-нравственного содержания, в которых в простых словах излагаются философско-этические принципы вероучения. Приведем, в качестве примера поучение приписываемого одному из первохристиан — св. Варнаве.

Вот что есть дорога света: пусть не скупится в труде тот, кто хочет идти по ней до обозначенной цели. А вот поучения, относящиеся к способу прохождения этой дороги. Люби Того, который тебя сотворил, бойся Того, кто тебя вырастил, восхваляй того, кто избавил тебя от смерти. Будь прост сердцем, а богатый духом. Не соединяйся с теми, которые ступают по дорожке смерти; пусть будет тебе неприятно то, что не нравится Богу. Ненавидь все проявления блудливости и не забудешь о заповедях Господних. Не будь гордым, но окажись покорным во всем. Не думай о собственной славе. Не возникнут у тебя злые намерения против ближнего. Не допускай гордыни в свое сердце. Люби ближнего как самого себя. Не убивай плод неродившийся; не убивай также после рождения. Не пренебрегай опекой над сыном или дочкой, но от детства приучай их боязни Господней. Не возжелай добра ближнего своего; не имей жадности. Не оставайся с гордецами, но будь другом для смиренных и справедливых. Если что либо тебе удастся, то учти,

что ничего не происходит без воли Божией. Не имей двойных мыслей, ни двойного языка, ибо двойственность есть источник смерти. Делись с ближними, а не называй все собственным. Потому как если вместе разделяешь благо непреходящее, тем легче разделять блага временные. Не будь болтлив, ибо язык это источник смерти. Для душевного блага сохраняй чистоту, насколько возможно. Не имей открытой руки для того, чтобы брать, а закрытой — давать. Как зарницы ока люби тех, кто возглашает слово Божие, священников и монахов. Заботься о них, ибо через них помогаешь спасению душ. Днем и ночью помни о дне твоего суда: ежедневно старайся пребывать в товариществе святых, выражается ли то в оглашении Слова, размышлениях, побеждая потребности, или работая руками для возмещения своих грехов. Не чувствуй тяжести в давании. Когда даешь — не вспоминай, тогда узнаешь, кем есть Тот, кто уделит большей заплаты. Храни то, что тебе доверено, без прибавления или убавления. Всегда имей в ненависти зло. Рассуждай справедливо. Не начинай молитвы с нечистой совестью. Это есть дорога жизни.

Однако было бы ошибочным трактовать антропологию лишь, как нравоучение, хотя бы потому, что «идеальный человек» не является абсолютным идеалом. Сын Человеческий не только совершенный Человек, но и совершенный Бог.

Сведение религиозного учения к морализаторству, как и любая частная его трактовка, нивелирует трансцендентальную сущность бытия, выхолащивает основное содержание, бесконечное и невыразимое. Научный, и философский анализ здесь способен лишь частично обозначить предмет.

Ибо мы от части знаем и отчасти пророчествуем.

1-е Коринфянам 13:8.10.

Глава 2

Сретение Личности

Содержание и смысл различных определений человека в православной религиозной традиции отражает множественность форм человеческого бытия в его предстоянии Богу. Таковы понятия Раб Божий, тварь Божия, венец творения, и т.д. Сравнение этих определений (или в узком смысле — антропологий) приводит, тем не менее, к единой формуле человеческого бытия. Именно личностного ипостасного («ипостасный» — личный; «ипостась» — существо Евр. 1:3; в церковном смысле — лице)¹² существования. Открытие качества личности с точки зрения православия произошло через откровение Личности проповедью Христа. Следует отметить, что и многие далекие от православия ученые (например, И.Кон)¹³ отмечают тот факт, что дохристианский мир не знал личности. С некоторыми оговорками можно говорить лишь о предчувствовании древним миром откровения личности, в смысле осознания личностного бытия в себе. Таков, например, невидимый дайман Сократа, противопоставленный философом видимым языческим богам.

Языческое многобожие, с жестко функциональной структурой, будучи одновременно и основой формирования представления о себе в индивидуальном обыденном сознании, не давала оснований для ощущения личностного начала, как целостности. Отсюда и такие проблемы (по Аристотелю): Если раб не человек, а говорящее орудие, ибо он не «животное политическое», но, с другой стороны, он есть человек по своему естеству, то как в таком случае к нему относиться, и возможна ли для настоящего человека дружба с рабом? — «как с рабом дружба с ним невозможна, но как с человеком возможна».

Удивительно то, что наука и по сей день фактически продолжает игнорировать личностное (трансцендентальное и ипостасное) начало в человеке, недалеко продвинувшись в разрешении известного

¹² Полный Православный Богословский Энциклопедический словарь. Репринт. М., 1992.

¹³ Кон И.С. в поисках себя. Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.

античного спора: «Двуногое, прямоходящее, без перьев — Зри, се человек».

Блуждают во мраке самообольщения и заблуждения мудрецы мира, возмечтавшие и произнесшие о человеке учение произвольное и суетное, заменяя истину предположениями; в ту же пропасть самообольщения и заблуждения влекутся слепцы, руководимые слепцами¹⁴.

И все таки, и в научном, и в философском дискурсе проблема ипостасности личности находит отражение в ряде работ. Отметим статью: «Личность, как Ипостась, как самостоятельное существование» (Белова Т.В.)¹⁵, а также развитие виртуалистического подхода в психологии (Носов Н.А.)¹⁶.

Личность, как ипостасная реальность, живет в мире культуры и имеет закономерности роста и становление своей самости. Процесс вхождения в мир культуры является личным, субъективным историческим ментально-эмоциональным опытом на уровне познания окружающего мира. Адаптационными факторами вхождения в культуру являются знаково-символические коммуникации <...>. Формализованные ментальные модели культуры конструируют социально-культурную программу личной жизни, вырабатывая надежные культурные механизмы защиты человека. Личность, как ипостась имеет потенциальные способности в силу своей соборной сущности к универсализации, способности стать сложной системой. С. Булгаков подчеркивал, что каждая ипостась есть Я, но каждая ипостась не хочет оставаться в себе, быть для себя ипостасью, она не только смотрит, но существенно из себя исходит в другую ипостась, или, вернее, в другие две

14 Святитель Игнатий (Брянчанинов). Слово о человеке / Богословские труды №29. М.: Изд. Московской патриархии, 1989

15 Белова Т.В. Личность, как Ипостась, как самостоятельное существование / Человек, Общество, Вселенная. М.: ГА ВС, 1994.

16 Носов Н.А. Психологические виртуальные реальности. М.: Человек, 1994.

ипостаси: в Ты и Он. Проблема Ты для Булгакова — проблема зеркала Я, без которого оно не может вполне себя увидеть¹⁷».

Не очень ясно, что же все-таки, является причиной личностного становления, только ли человеческая культура является тем экраном, на котором просматривается личность? Личность вводится в научный и философский обиход в качестве реальности, в своем собственном целостном ипостасном бытии, без попыток навязать ему привнесенные извне схемы. Здесь определенный методологический прорыв, и он даст свои плоды.

Продуктивным оказывается и виртуалистический подход к анализу личностного начала.

Так, в монографии «Психологические виртуальные реальности» Н.А.Носова¹⁸ осуществлена попытка в едином плане рассматривать реалии, относящиеся обычно к разным типам знания: естественно-научному, гуманитарному или техническому. Объединение этих типов знаний является достаточно нетривиальной задачей.

Виртуальность — это особая философская категория, наряду с такими как: время, пространство, сущность и т.д. Виртуальная реальность постоянно сопровождала человека и находила свое отражение и в быденном, и в теоретико-философском сознании, однако ее научное отражение началось только сегодня.

С помощью категориального аппарата виртуалистики оказалось возможным описать многое из того, что наука была не в состоянии признать за реальность. Виртуалистической реконструкции представления о человеке, такого почитаемого в православии мыслителя как св. Исаак Сирин, посвящен один из разделов настоящей работы, подготовленный по материалам Н.А. Носова. Здесь же отметим, что в виртуалистике человек определяется как онтологически виртуальный объект, в отличие от всех других объектов видимого твар-

17 Белова Т.В. Личность, как Ипостась, как самостное существование / Человек, Общество, Вселенная. М.: ГА ВС, 1994.

18 Носов Н.А. Психологические виртуальные реальности. М.: Человек, 1994.

ного мира. Он виртуален, как по отношению к Творцу, так и по отношению к твари. В той степени, в которой он ипостасен и личностен, поскольку непостижим, а постигаем. Личность, таким образом, соизмеряется в двух пластах реальности — Творящей и Творимой.

Личность виртуальна сама по отношению к себе, как сущностная ипостась.

Вместе с тем следует отметить и духовную опасность чисто сциентического подхода к проблемам личности, не учитывающего нравственных измерений.

Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое: ибо от избытка сердца говорят уста его.

Лук. 6:45

Смотрите, братья, чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу.
Кол. 2:8

Устремленность человеческого ума к тайнам человеческой души не прекращается, и не прекратится до последних времен. Как ни трактовать такое несмиренно-мудрое поведение хомо-сапиенса, необходимо признать за факт докучливую пытливость человека с его наукой, неспособного остановиться в своем познании.

Православное богословие, раскрывая понятие личности, обходится без сложных и отвлеченных умозрительных конструкций — оно вполне конкретно. Если и употребляются при этом абстракции и логические конструкции, то со смиренным признанием своей немощи.

Святой Григорий Богослов писал:

Терпит и ныне Господь побиение камнями не только от неверующих, но даже и от нас, считающих себя благочестивыми. Ибо рассуждая

о Бестелесном, употребляем определения свойственные телесному, а это, может быть, то же, что побивать камнями. Но, да простит Он нашу немощь! Мы не по своей воле бросаем камни, мы не можем выразить Его лучше, и употребляем слова, какие имеем.

Не случайна этимологическая близость ипостасности и личностности. Человек познает что-либо через Божественное откровение, и, стало быть, и себя. Человек способен узреть в себе свое собственное личностное начало лишь по откровению Божию. Не теоретически, не умозрительно, а с помощью опыта, конкретно и реально.

Бог сам вышел на встречу человеку и сам, как Совершенный Человек, открыл тем, кто пошел за ним, их личностную сущность.

Личностное бытие Бога посредством Благодати придается чело-векам через подвиг Сына Человеческого. Это просто и ясно выражено словами Самого Спасителя. Христос открыл нам Бога как Совершенную Личность и заповедовал личностное становление единственно возможным путем:

29. Иисус отвечал ему: Первая из всех заповедей: «Слушай Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый»;

30. и возлюби Господа Бога всем сердцем твоим, и всею душою твою, и всем помышлением твоим, и всею крепостью твоею: вот первая заповедь!

31. Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; иной большей сих, заповедей нет.

Марка 12:29–31

В этом важнейшем месте Благовествования устанавливается Словом:

- единство Господа и непрерывность богоприсутствия наследованную у Ветхого Израиля Новым;
- отношение любви к Богу, как необходимое и достаточное;
- содержание личности, фактически ее структура: сердце (любовь), душа (вера), помышление (разум и воля), крепость (сила);

— отношение любви к ближнему, как к самому себе;

Две заповеди приравниваются друг к другу в значении: «Вторая подобная ей... иной большей сих заповедей нет». Точное исполнение одной влечет исполнение и другой. Если человек сможет любить ближнего своего хотя бы как самого себя — он тем самым будет любить и Бога всю своей сущностью. Если он будет любить Бога, то тогда с необходимостью будет любить ближнего. Если он будет любить ближнего, то будет и любить самого себя. Если будет любить самого себя, то будет любить Бога.

Необходимо напомнить, что эти слова были сказаны фарисею, для которого дистанция между законополагающим Богом и человеком, обязанным подчиняться Закону, была непреодолима.

Возникает вопрос, как это возможно? Ведь в этих заповедях Сам Спаситель приравнивает Бога и человека?

... Связывает Любовью и дарует Свободу.

Но сказано «возлюби», а не просто люби, учись любить, а это значит учись видеть в ближнем его божественную сущность. А чтобы увидеть в другом божественную сущность, надо увидеть ее в себе. А как ее увидеть, если не связать себя любовью с Богом, отдав этой любви всего себя? Но разве можно любить всей сущностью, не будучи Свободным?

Это и есть откровение Личности.

Христианство вернуло человечеству дарованную Богом Свободу, но утерянную в результате грехопадения Адама. Ветхозаветный Закон был исполнен Спасителем, и для тех, кто пошел за ним *обетованно* благодатное существование.

Человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху зная то, что ветхий наш.

Рим. 6:6

Статус Личности подкрепляется в православном человеке придаанием ему высочайшей формы достоинства: «Вы есте церкви Бога

жива,...» (2 Кор. 6:16), которое в сочетании с описанным в Бытие Божественным актом Творения человека (по Образу и Подобию) делает его не просто тварью, но любимым чадом Божиим. Столь высокому достоинству подобает и высокая Ответственность, сопряженная с обретением подлинной Свободы, и, стало быть, признания Вины за грехопадение Адама, разделяемой всем человечеством до Первого Пришествия.

Отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях и обновиться духом ума вашего и облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины.

Еф. 4:22–24

Вспомним слова Алексия II сказанные на Третьих Международных Рождественских образовательных чтениях в Московском Государственном Университете (23.01.1995 г.):

Для православного христианина в центре всего всегда Христос. Его жизнь, Его дело, Его слово. Это самое дорогое, самое нужное, самое важное. То, что сопровождает человека всю его жизнь — от рождения до смерти. Личная встреча с уникальной и неповторимой личностью Божьего человека переменяет ход всей мировой истории. Меняет эта встреча и каждую отдельную человеческую жизнь, придает ей подлинный смысл и наполнение. Отсюда неременный личностный характер православного обучения. В основе его не только открытость подлинной реальности, но и непосредственная встреча личности преподавателя и личности ученика. Так учили в православных монастырях, на протяжении столетий, являвшихся главнейшими Центрами образования и культуры. Мы расширяем сегодня нашу систему образования. Не обезличить образование, не допустить того, чтобы душа мертвела от избыточного знания, оторванного от жизни — должно быть важнейшей нашей заботой.

Подлинный смысл образования, как придания образа раскрывается одновременно и через связь образа и личности, обезличенное «образование» ведет к обезображиванию (лишению образа), *омертвлению души от избыточного знания, оторванного от жизни.*

Глава 3

Образ и подобие

Человѣкъ — (ἄνθρωπος, отъ ἄνω — вверхъ, τρέπειν — обращать и ὄψ — лице, взоръ) = существо, имѣющее лице свое обращеннымъ вверхъ, к небу, какъ цѣли бытія и будущему жилищу; или челомъ вѣющей, чело имѣющей обращеннымъ къверху (виѣшнее отличіе отъ безсловесныхъ животныхъ); нѣкоторые производятъ отъ ἄνω и ἀνδρεῖν, смотрѣть вверхъ. По еврейски первозданный человѣкъ названъ Адамъ, нарицательное — человѣкъ, существо подобное Богу, подобный, уподобляющийся, слабый, смертный; *сотворимъ человека* — или Адама, т. е. подобіе Намъ. Имя Адамъ происходитъ отъ евр. глагола, значащаго быть подобнымъ, мыслить (ср. Быт. 5, 1—2). Въ Числ. 24, 6 Балаамъ пророчествуетъ о томъ времени, когда у израильтянъ явится *человѣкъ* или царь (Быт. 17, 6; 35, 11), который возвеличитъ народъ Божій и расширитъ его владѣнія. Ближайшимъ образомъ здѣсь подъ *человѣкомъ* разумѣется Давидъ или какой нибудь другой славный царь. Въ отдаленномъ времени это пророчество относится ко Христу, Который произойдетъ изъ племени Іакова черезъ Давида (ср. Пс. 2, 8; Матѳ. 28, 18). Самое славяно-русское названіе „человѣкъ“, по изслѣдованію профессора Казанской духовн. академіи *А. Некрасова* (въ „Православномъ Собесѣдникѣ“), образовалось изъ „селовѣкъ“ или „словѣка“, т. е. существо *словесное*, — слѣдовательно, — указываетъ на даръ слова, какъ на отличительную способность человѣка. По болѣе вѣроятному мнѣнію изв. уч. А. С. Хомякова, *человѣкъ* или *человикъ* значить собств. мыслящій; *санскр.* челл — думать: аффиксъ *викъ* — весьма обыкновенный; онъ значитъ: живущій; чело—викъ = мысле — живущій. Этимологія двухъ словъ *человѣкъ* и *тапп* (*mensch*) по смыслу совершенно тождественна. Самый глаголѣ *челл* — есть выводной отъ общаго корня *санскр.* и *слав.* *чи* — думать; средняя форма или переходная на *л* извѣстна: чело отъ чить, какъ дѣло отъ дѣть (*А. С. Хомяковъ*; см. „*Матер. для сравн. слов.*“, изд. Акад. н., т. II). — *Человѣкъ* Божій — (ἄνθρωπος τοῦ Θεοῦ. Втор. 33, 1) = такъ называется Моисей, какъ и въ книгѣ Іисуса Навина (14, 6) и въ надписаніи 89-го псалма. — *Человѣческое смѣшаніе* — человѣческое естество (*Воскр. служб. окт., гл. 2, Богородич.*).¹⁹

19 Полный Православный Богословский Энциклопедический словарь. Репринт. М., 1992

Церковнославянский словарь, конспективно трактуя понятие «человек», задает контекст, в котором только и можно рассматривать православную антропологию. Итак, «ЧЕЛОВЕК» — существо имеющее лице свое, обращенным к небу, как цели бытия и будущему жилищу, и, одновременно, челом бывшее, происходящие от первочеловека Адама — подобного Богу, словесное и мыслеживущее.

Небо, Бог, Слово, Мысль, Жизнь вечная — онтология человека и его реальность и, одновременно, онтология и реальность всего окружающего Мира, наполненного *Смыслом, Словом, Жизнью*. Этот Мир является своеобразным зеркалом, в которое сморит всякая тварь Божия. «Всякая тварь да славит Господа», но лишь человек Славит Господа Словом — сознательно. Лишь человек — мыслеживущий, и мыслию способный охватывать всю жизнь, все бытие во времени и пространстве, смертный и бессмертный, конечный и бесконечный, временный и вечный, сотворенный по Образу и Подобию и сотворяющий себя в процессе своей индивидуальной жизни как существо наделенное Свободой.

Отношение человека и мира, а без анализа этого отношения немыслимо понимание человека, лучше всего обозначается словом — *предстояние*:

Предстояние перед престолом Божиим, которым служит весь тварный мир и вечный диалог с Божеством, к которому человек обращается на Ты, как к Отцу, Владыке и Святому.

Предстояние перед откровениями горнего сверхъестественного невидимого мира — собственно Богопознание, «царствие Божие внутри вас есть». (Лук. XVII. 12).

Предстояние перед явлениями дольного естественного видимого мира, созерцаемыми и умопостигаемыми.

Предстояние перед овеществленной реальностью — миром данным человекам для обустройства и хозяйствования, а точнее царствования — высший смысл которого в ответственности за состояние его перед Богом.

Здесь уместно привести слова Архиепископа Сергея Старгородского из его труда «Православное учение о Спасении»:

Как образ и подобие Божие человек наделен Богоподобными свойствами и бесконечными стремлениями. Он не удовлетворяется одной видимостью явлений, одной показной стороной жизни, он ищет ее оснований и, таким образом, доходит до последнего основания. Он не удовлетворяется лишь видимыми, служебными отношениями к нему природы и людей, он хочет сделать эти отношения вечно значимыми, безусловными. Но ответы на эти бесконечные по истине Божественные запросы своей природы человек в самом себе найти не может и это потому, что он есть только образ, только конечное отражение бесконечной, самосущей и самоценной жизни, а не сама эта жизнь. Душа, говорит Преп. Макарий Египетский, не имеющая в себе Божия Света (т.е. жизни самосущей), но сотворенная по Божьему образу (ибо так домостроительствовал и благоволил Бог чтобы она имела вечную жизнь), не из собственного своего естества, но от Божества Его, от собственного света Его, восприимлет духовную пищу и духовное питание, и небесные одеяния, что и составляет истинную жизнь души (orat. catech. c.V (Migne. T. XLV col/ 21) t.IV 15-16)). Поэтому, предоставленный самому себе человек обречен на безысходное противоречие и вечное страдание²⁰.

20 Архиепископ Сергей Старгородский. Православное учение о Спасении. М.: Изд. Просветитель, 1991. С. 104.

По учению святых отцов, образ Божий есть собственно стремление к Богу, и способность воспринимать Божественную любовь, стремится к единению с Богом и другими людьми.

Господь пришел даровать людям единство в любви, по образу единства Лиц Святой Троицы²¹.

21 Епископ Александр (Семенов – Тянь-Шанский).
Православный Катехизис. М.: 1992.

Глава 4

Молитвенное предстояние

Молитва есть особое состояние человека, его души. Молитву творят потому, что молитвенное состояние есть: во-первых, состояние творческое; во-вторых, обладает собственной субстанциональностью и реальностью.

Кто стяжал Господа, тот в молитве будет произносить уже не свои слова, потому что Дух сам Собою тогда ходатайствует о нем воздыханиями неизглаголанymi (Рим. 8:26)²².

Более того, собственной, независимой от молящегося человека реальностью обладает сама молитва, суть которой любовь, надежда и вера.

Вера, надежда, любви: больше же сих любви (1 Кор. 13:13); потому что сам Бог так называется (1 Иоан 14:16)²³.

Молитва по качеству своему есть обращение и единение человека и Бога, а по действительности своей — утверждение мира, примирение с Богом, мать и вместе дочь слез, очищение грехов, мост, проводящий через искушения, средостенение против скорбей, сокрушение браней, Ангельское дело, пища всех бесплотных, будущие веселие, беспредельное делание, источник добродетелей, снабдительница дарований, невидимое преспиание, пища душе, просвещение ума, секира на отчаяние, доказательство надежды, прекращение печали, богатство монахов, сокровище безмолвников, уменьшение раздражительности, зеркало преспиания, показание меры, обнаружение состояния, указание будущего воздаяния и на знаменование славы. Молитва истинно молящегося — судилище, суд и престол Господа еще прежде будущего суда.

²² Преподобного отца нашего Иоанна ЛЕСТВИЦА (в сокращении). М., 2001. С. 196.

²³ Там же. С. 201.

Вот такими функциями наделяет молитву св. Иоанн Лественичник, а вместе с ним и вся православная традиция.

Воспитание молитвенности — одно из основных необходимых условий духовного становления и роста. В православии создано совершеннейшее искусство молитвы, отражающее различные ступени духовного восхождения. Священное Предание настойчиво утверждает неизменную Силу молитвы, с помощью которой могут быть разрешены любые, казалось бы, безвыходные ситуации.

Вместе с тем православная молитвенность ничего не имеет общего с медитационной техникой, аутотренингом и, тем более, с магическими тайнодействиями, хотя многих неискушенных людей смущает внешнее сходство ее психологических проявлений. Достаточно указать на то, что целью молитвы и ее основным плодом является общение с Богом:

Не говори, что, долгое время пребывая в молитве, ни в чем не успел, потому что самое пребывание в молитве есть уже успех. Ибо какое благо превыше всего — прилепляться ко Господу и непрестанно пребывать с Ним в единении»²⁴.

Еще одна важная деталь, отличающая православное отношение к молитве:

*Во время молитвы не допускай никакой чувственной мечты, чтобы не впасть тебе в исступление ума*²⁵.

Недопущения конструирования чувственных образов и вообще каких либо образов, понятно с позиций современной психологической науки. Действительно, обращаясь к сконструированному образу, человек обращается не к Богу, а к своему плотскому представлению

²⁴ Там же. С. 194.

²⁵ Там же. С. 196.

о нем, к тому, что «сидит» у него в подсознании, искаленном его же грехами. На психиатрическом языке — это типичное галлюционирование, погружение в иллюзорный мир, а на православном — прелесть, открытие себя врагу для обольщения.

Православная молитва является внешностью (хотя это и дело внутреннего человека) по отношению к молящемуся, все ее плоды не порождаемы фантазией, а исходят от Бога, чрез Его Божественное откровение.

Православная молитва — объективна, а не субъективна, реальна, а не иллюзорна, продуктивна, а не бесплодна, является подлинным повседневным чудом, а не ложным самообольщением.

Одним из важнейших плодов молитвы являются изменения человека, происходящие в результате молитвенного состояния. Собственно молитвы служат подстраиванию реального человека к идеальному, духовному движению к совершенству Богочеловека.

Молитва истинно молящемуся есть суд, судилище и престол Судии прежде страшного суда²⁶.

Каждому православному предписывается молиться утром, восстав ото сна, в течении дня при всяком деле, и на ночь. При этом рекомендуется пользоваться сборником молитв — молитвословом, книгой необходимой в каждой православной семье. Набор утренних и вечерних молитв называется соответственно утренним и вечерним молитвенным правилом. Используемое здесь понятие «правило» имеет смысл, не образца или эталона молитвенного действия, а правила самого молящегося. Молитва правит молящегося, изменяет его существо, приближает его к Богу.

Было бы слишком серьезным дерзновением попытаться здесь вскрыть внутренний смысл молитвенных правил. Да это и невозможно сделать словами. По мере духовного роста человека откры-

²⁶ Лестница или скрижали духовные преподобного отца нашего Иоанна игумена Синайской горы. Слово 28.1.

вается ее Смысл. Молитва бесконечна и ведет к бесконечности бытия, к вечности и бессмертию. Но можно попробовать приблизительно прояснить некоторые черты нравственного идеала, на который «настраивают» молитвенные правила. Рассмотрим, в качестве примера, утренние молитвы²⁷:

Восстав ото сна, прежде всякого другого дела, стань благоговейно, представляя себя пред Всевидящим Богом, и совершая крестное знамение, произнеси:

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Затем немного подожди, пока все чувства твои не придут в тишину и мысли твои не оставят все земное, и тогда произнеси следующие молитвы, без поспешности и со вниманием сердечным:

Боже, милостив буди мне грешному.

Эта молитва мытаря (Лук.18:13) — свидетельство недостойности молящегося, раскаяние и надежда, преодоление фарисейской гордыни. Далее следует предначинательная молитва (Господи Иисусе Христе, Сыне Божий; молих ради Пречистия Твоей Матери и всех святых, помилуй нас. Аминь.), в которой молящийся выражает надежду о небесном заступничестве перед Богом всей торжествующей небесной Церкви. Он тем самым и себя рассматривает в качестве члена Церкви, присоединяясь молитвенно к соборной молитве».

Этим Личность человека заявляет себя как соборная.

После славословия Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе следует молитва Духу Святому Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже вз-

²⁷ Здесь и далее цитируется по книге: Православный молитвослов и псалтирь. М.: Изд. Моск. Патриархии, 1988.

де сый и вся исполняя, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша.

Это прошение, которым начинается всякое учение, постулирует возможность человеку без помощи Божией разобраться со своей душой, и со своим умом. Святой Дух именуется Душой истины и всякой правды, т.е. Без Духа Святого не может быть никакой истины и правды. Очищение от всякой скверны — необходимое условие общения с Богом, но оно может быть выполнено только по Его же Воле.

Далее читается (трижды) трисвятое: Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас., Слава, и ныне..., затем молитва ко Пресвятой Троице Пресвятая Троице, помилуй нас; Господи очисти грехи наша; Владыко прости беззакония наша; Святый, посети и исцели немощи наша, имени Твоего ради. Обращаясь к Троице мы просим помиловать нас, т.е. очистить нас от грехов, простить свойственные нашей испорченной и немощной природе беззакония, и посетить нас и избавить нас от немощи. Затем следует: Господи, помилуй (трижды); Слава, и ныне...; Отче наш (Молитва Господня); Троичные тропари.

Отметим следующие слова:

Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должникам нашим.

(Отче наш)

От одра и сна воздвигл мя еси, Господи, ум мой просвети и сердце, и устне мои отверзи, во еже пети Тя, Святая Троице: Свят, Свят, Свят еси, Боже, Богородицею помилуй нас.

И далее:

От сна восстав, благодарю Тя, Святая Троице, яко многие ради Твоей благодати и долготерпения не прогневался еси на мя, лениваго и грешнаго, ниже погубил мя еси со беззакониями моими; но человеколюбствовал еси обычно и в нечаянии лежащего воздвигл мя еси, во еже утреневати и славословити державу Твою. и ныне просвети мои очи мысленные, отверзи моя уста поучатися словесем Твоим, и разумети заповеди Твоя, и творити волю Твою, и пети Тя во исповедании сердечнем, и воспевати всесвятое имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

(Молитва ко Пресвятой Троице)

Наипаче омой мя от беззакония моего и от греха моего очисти мя; яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну. Тебе одному согреших и лукавое пред Тобою сотворих; яко да оправдашися в словесех Твоих, и победиши в негда судити Ти. Се бо, в беззакониях зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя. Се бо, истину возлюбил еси; безвестные и тайная премудрости Твоя явил ми еси. Окропиши мя иссопом, и очищуся; омыеши мя, и паче снега убелюся. <...> Жертва Богу дух сокрушен; сердце сокрушенно и смиренна Бог не уничижит.

(Псалом 50)

Затем читается символ веры, содержащий основные догматы православного вероучения. Далее следуют молитвословия различных святых:

Не даждь мне уснути во греховней смерти, но ущедрь мя, распныйся волею, и лежащего мя в лености ускорив возстави, и спаси мя в предстоянии и молитве.

(2-я молитва Макария Великого)

Ты бо еси мой Сотворитель и всякому благу Промысленник и Податель.

(3-я молитва Макария Великого)

В радость и Божественный чертог славы Его совнидем, идее же празднующих глас непрестанный, и неизреченная сладость зрящих Твоего лица доброту неизреченную.

(Молитва 5-я Василия Великого)

Помимо уничижения и смирения, утверждающихся в этих удивительных по поэтической красоте строках, раскрывается глубоко личностное, интимное стремление души к Богу. Причем единственным препятствием к желанному соединению является ее неспособность отвращаться от греха.

Подчеркнем словесную форму молитвенного общения:

Господи, утне мои отверзши, и уста моя возвестят хвалу Твою.

(Псалом 50)

Далее:

О, дивная владычня палато, дом Духа Божественна мене сотвори. Врача рождшая, уврачуи души моя многолетные страсти.

(Молитва 7-я, ко Пресвятой Богородице)

Слове, еже отторгнути мя от Твоея руки и ограды; но или хошу, спаси мя, или не хошу, Христе Спасе мой, предвари скоро, скоро, погибох: Ты бо еси Бог мой от чрева матери моея. Сподобимя, ныне возлюбити Тя, якоже возлюбих иногда той самый грех; и паки поработати Тебе без лености тошно, яко же поработах прежде сатане лъстивому.

(Молитва 8-я, Господу нашему Иисусу Христу)

Святый Ангеле, предстояй окаянной моей души и страстной моей жизни, не остави мене грешного, ниже отступи от мене за невоздержание мое.

(Молитва 9-я, к Ангелу хранителю)

Приведем полностью молитву 10-ю пресвятой Богородице:

Пресвятая Владычице моя Богородице, святыми твоими и всесильными мольбами отжени от мене смиренного и окаянного раба Твоего уныние, забвение, неразумение, нерадение, и вся скверная, лукавая и хульная помышления от окаянного моего сердца и от помраченного ума моего; угаси пламень страстей моих, яко нищ есмь и окаяннен. и избави мя от многих и лютых воспоминаний и предприятий, и от всех действий злых свободима. Яко благословенна еси от всех родов, и славиться пречистое имя Твое во веки веков. Аминь.

Далее следует Молитвенное призывание святого, имя которого носишь; Песнь Пресвятой Богородице (Богородице Дево, радуйся...); Тропарь кресту и молитва за отечество; Молитва за живых; Молитвы за усопших.

И окончание молитв:

Достойно есть яко воистину блажети Тя Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную и Матерь Бога нашего. Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу Тя величаем.

Слава, и ныне: Господи, помилуй. (Трижды).

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий; молитв ради Пречистыя Твоей Матери, преподобных и богоносных отец нашихи всех святых, помилуй нас. Аминь.

Следует обратить внимание на то, что в «Достоинство есть» чин Богородицы предстает выше ангельских чинов. В других текстах Богородица именуется Царицей Небесной, без умаления человеческих и женских черт. Это еще раз убеждает в высочайшем достоинстве человека и, соответственно, в его высочайшей ответственности.

Даже из приведенных отрывков молитвословий можно представить весь драматизм молитвенного предстояния, при котором кающаяся душа человека, противостоящая человеческим страстям и слабостям, просит Божественной помощи в очищении от греха и в укреплении веры. Вместе с тем чисто текстологический анализ не является в данном случае вполне корректным, за скобками остается собственно духовное содержание, прикоснуться к которому можно только непосредственно творя молитву.

Бог любит Свое творение, любит каждого из нас. и буду вам Отцем, и вы будете Моими сынами и дочерями, говорит Господь Вседержитель.

2 Коринф. 6. 18

И мы поэтому, так же, как к своему родному отцу или родной матери, можем всегда, в любое время, обращаться к Богу — к нашему Отцу Небесному. Обращение же наше к Богу есть молитва.

Самая краткая молитва, в которой все заключено: Господи помилуй.

Глава 5

Зеркала Личности

В ортодоксальном христианстве, тем не менее, природа человека в нынешнем состоянии признается противоестественной²⁸, поврежденной грехом. Естественная же природа человека безгреховная, совершенная, освещающая все, на что человек бросает свой мыслительный взор, и всякую вещь, которая выходит из, под его рук. Излишне доказывать, что нынешнее состояние человека, а также овеществленного и измененного человеком мира очень далеки от этого идеала.

При этом, человек не остается в неведении о своем состоянии. Его личности (и душе) предоставляется возможность наблюдать себя в системе зеркал, в роли которых выступают его собственное телесное естество, окружающие его вещи и весь остальной мир, также воспринимаемый как вещь.

Бог дарует нам самовозрение и самопознание, необходимые для покаяния, для спасения, или, что то же, для вечного блаженства нашего²⁹.

Поврежденность этого мира предстает, как отражение испорченности человека и наоборот, как человеческая реакция на испорченность мира. Так как человек является в каком-то смысле зеркалом всего тварного мира. Обладая царственным предназначением, но «предоставленный самому себе человек обречен на безысходное противоречие и вечное страдание»³⁰.

28 Святитель Игнатий пишет: «св. Исаак Силпский и другие св. отцы называют состояние человека по падению чрезвычайным. Это слово с точностью выражает сущность дела».

29 Святитель Игнатий (Брянчанинов). Слово о человеке / Богословские труды №29. М.: Изд. Московской патриархии, 1989. С. 286.

30 Архиепископ Сергей Старгородский. Православное учение о Спасении. М.: Изд. Просветитель, 1991. С. 104.

Когда я был младенцем, то по младенчески говорил, по младенчески мыслил, по младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое.

Теперь мы видим, как — бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан.

1-е Кор. 11–12

Тусклые зеркала нашего личностного бытия прикрывают собой встречу (сретение) лицом к лицу с Самим Богом. Чем более через нас повреждается мир, тем более тускнеет стекло и отдаляется от нас и в нас Образ Божий, уступая место человекоподобному изображению. Это и есть источник неразрешимых противоречий, проклятых вопросов, душевных и телесных страданий. Деятельность человека есть онтологическая необходимость обретения рефлексии, сама есть вид рефлексии, только в таком ракурсе она вообще имеет какой либо смысл

... с той стороны зеркального стекла³¹.

Соответственно и то, что управляет этой деятельностью, и то, что формируется в результате и является прямым или косвенным продуктом деятельности как предметной, так и психической. Здесь имеется ввиду все, что присуще человеку — все его телесные и душевные свойства; все его личностные свойства и не только они. Все, что окружает человека служит в роли этого тусклого стекла.

Иными словами, мы не можем судить о поврежденности мира. Потому, что видим не мир, а наше собственное в нем отражение — мы видим только поврежденность грехом своей души, и в этом глубочайший смысл всех посещающих нас бед или скорбей, дарованных

31 Строка из стихотворения Арсения Тарковского.

Господом ради осознания греха (как повреждения души) и очищение от него через покаяние.

Основание человека есть одно только ничтожество, а стяжание его один грех. Он не может ничего принести Богу, кроме собственных Его же Даров; но по свободе своей, может и принести их, может и отказать в том. Если он изберет первое, то будет соответствовать благодати Божией; и вот его достоинство! Если же последнее, то будет непокорен и неблагодарен; и вот все его преступление, единственная причина его гибели!³²

Принести Богу его же собственные Дары — означает ни что иное, как выполнение естественного долга чада перед Родителем, твари перед Творцом, заключающегося в соответствии Его Замыслу.

Полезно вглядываться в эти зеркала, различая черты, открывающиеся по разному современному рациональному сознанию и, традиционному православному.

Отражения человека объективируются и опредмечиваются: мы говорим мой ум и мое сознание, почти также как и моя машина и мой дом. Зеркалами человеческой личности оказываются самые сокровенные и самые тонкие проявления человеческой психики. Они скрываются и в сознании, и в подсознании, и в глубинном бессознательном. Зеркалом Личности является весь тварный мир, в котором развертывается человеческая деятельность.

Но что же представляет собой Субъект рефлексии, если ему свойственно всматриваться в опредмечиваемые, но неотъемлемые человеческие атрибуты, наблюдать их как бы со стороны, отчуждаясь от них, являясь при этом также неотъемлемым атрибутом человека? Быть одновременно и трансцендентным, и имманентным бытию человека? Эти разделяемые и рассматриваемые черты сохраняют именно в нем свою целостность. Да и сама рефлексивность,

32 Ручная нравственная книжка для христианина. М., 1995.

будучи частным свойством, наряду с другими человеческим свойствами, также служит экраном личности.

В.Н. Лосский писал:

И мы, в конце концов, понимаем: то, что является для нас самым дорогим в человеке, то, что делает его «им самим» — неопределимо, потому что в его природе нет ничего такого, что относилось бы собственно к личности, всегда единственной, несравнимой и «бесподобной». Человек, определяемый своей природой, действующей в силу своих природных свойств, в силу своего «характера» — наименее «личен». <...> человеческая личность — не часть существа человеческого, подобно тому, как Лица Пресвятой Троицы — не части существа Божественного³³.

Это неопределимое и нечастное (ипостасное) средоточие человека не может быть конструкцией тварного мира, ибо тогда оно стало бы определимым и частным. Это средоточие нельзя назвать и душой, так как и на свою душу можно взглянуть со стороны; и она подвержена повреждениям, несмотря на то, что является субстанцией нематериальной, а духовной природы, обладает бессмертием в невидимом мире. Но, и про душу можно сказать: «Моя душа». Тело и душа сливаются в человеке, но ими только человек не исчерпывается, ибо и по отношению к душе, как к частному, определяется нечто более центральное, более трансцендентное. Без этого не было бы возможности различения душ.

Приведем один весьма колоритный пример — древнерусскую притчу «Душа и тело» из Пролога 17-го века³⁴. Текст приводится

³³ Лосский В.Н. Очерк мистического богословия восточной церкви. М.: Изд. Центр «СЭИ», 1991. С. 93.

³⁴ Древнерусская притча М.: Сов. Россия, 1991. С. 53. В древнерусской письменности эта притча сохранилась в двух редакциях: краткой проложной, обычно помещаемой в Прологах под 28 сентября, и пространной, принадлежащей Кириллу Туровскому. Краткая редакция притчи читается в проложных списках с конца XII по XIX век и позднее изредка в Четьх-Минях. Популярность притчи о слепце и хромце доказывают донные сохранившееся большое количество списков этих двух редакций притчи и ее отражение в иконографии и народной гравюре.

в аутентичном варианте, насколько это было возможно, и в авторском переводе, приближенном к современной лексике.

О душе и теле (притча)

Человек некто добра рода насади виноград и оплотом огради и. И отходя в дом отца своего, и рече: «Кого сотворю стража моему притяжанию. Аще бо оставлю zde от предстатель моих, то изгубят труд мой. Но сице сотворю: посажу у врат слепца с хромцем. Да аще от враг моих кто восхощет украсти виноград мой, слепец убо чует, а хромец видит. Аще ли от сею кий восхощет, хромец убо не имать ногу дойти тамо, слепец же аще поидет, да в пропастьх убиется» и посадив я у врат, и отиде. и надолзе сядящема има, рече слепец к хромцу; «Что убо благоухание се повеваает извну врат?» Отвеща хромец: «Многая благая господина наю внутрь суть, их же неизреченно вкушение. Но понеже премудр есть господин наю, посади тебе слепаго, мене же хромаго, и не можеша тех никако же дойти и насытитися». Отвеща слепец хромцу, глаголя : «Почто прежде неси ми возвестил сего. Да быхома не жадала, аще бо аз слеп есмь, но нозе имам и силен есмь носить тебе. Возми кошь и всяди на мою плещу, и аз несу тя, ты же ми путь поведай. И вся благая господина наю объемлима, и егда приидет господин наю, укроется от него наю дело, аще бо мене вопросит, аз реку: «Ты веси, господин, яко слеп есмь», и ты рцы: «Аз хром есмь». И тако премудруема наю господина». Всед же хромец на слепца и дошедша, украдоша овощ господина своего. По времени же прииде господин винограда того и, видя ево украдена, повеле привести слепца и глагола: «Не доба ли ты стража моему сотворх винограду, то почто еси украл его?» Отвеща слепец: «Господине, ты веси, яко аз есмь слеп. Да еще бых и хотел, то не вижу дойти, но покрал есть хромец, а не аз». Тогда повеле господин блюсьти слепца, донедже призовет хромца. Призвану же хромцу, и начастася сама обличати между себе. Хромец убо глаголаше слепцу: «Аще не бы ты носил мене, никако же мог бых дойти, понеже хром есть». Слепец же глаголаше: «Аще не бы ты мне путь сказал, какобых дошел тамо аз?» Тогда

господин, сед на судилищи, начат има судити и рече има, якоже еста крала, да всядет хромец на слепца. Вседшу же хромцу на слепца, пове-
ле бити я немилостиво.

Толкование

Разумейте же сея притчи силу. Человек есть добра роду Христос Сын Божий, а виноград — земля и мир сей. Оплот же — закон и запове-
ди. Слуги же сущая с ним — ангелы. Мнит хромца же — тело челове-
ка, а слепца — душу его. А яже посади у врат — человеку убо предана
во область земная. Преступившиу же ему заповеди Божия, и того ради
смертию осужену бывшу. Егда же приводится душа его к Богу, и оправ-
дается глаголющи, яко не аз, Господи преступих заповеди твоя, но тело,
и того ради несть мучения душам до второго пришествия, но блюдо-
мы суть идеже Бог весть. Егда же приидет обновити землю и воскре-
сити умершых, по Павлу глаголющу, тогда вси сущии во гробех услышат
глас Сына Божия, и оживут, и изыдут сотворшеи благая в воскресении
живота. Тогда бо паки души в телеса внидут и приимут воздаяния про-
тиву делом. И отселяются грешницы во тьму кромешную, идеже будет
плач и скрежет зубом, а праведницы в жизнь вечную. Богу нашему сла-
ва, ныне и присно и вовеки веков.

О душе и теле (в авторском переводе)

Некий человек доброго рода посадил виноград и оградил его оградой.
Возвращаясь в дом своего отца говорит: «Кого я сделаю стражами мое-
го имения? Если я оставляю — кого-нибудь из моих помощников, то они
погубят мой труд. Сделаю так: посажу у ворот слепца и хромца. Если кто-
нибудь из врагов моих захочет украсть виноград — слепец учует, а хромец
увидит. Если же кто из них захочет украсть, то хромец без ноги — не дой-
дет, а слепец если и дойдет, то убьется в пропасти». Он посадил их у врат
и ушел. Долго они сидели так, пока слепец не сказал хромцу: «Что так бла-
гоухает за воротами?» Отвечает хромец: «Многие блага нашего Господи-

на внутри есть, и их вкушение неизреченно и запретно. Но, поскольку премудр наш Господин, то посадил меня хромого и тебя слепого, и не можем мы до них никак дойти и насытиться». Отвечает слепец хромцу: «Почему ты прежде не возвестил мне этого. Мы бы не жаждали, так как я хоть и слеп, но ноги имею и силу нести тебя. Возьми кош и садись на мои плечи, я понесу тебя — ты же мне путь укажешь. И все благо господина нашего возьмем, а когда придет Господин, укроется от него наше дело. Меня спросит, я скажу: «Ты знаешь, Господин, что я слеп». Ты скажи: «Я хром». Так перехитрим Господина нашего. Влез хромец на слепца, и дошли они, и украли овощ Господина своего. По времени пришел Господин того винограда и, увидев украденное, повелел привести слепца и говорит: «Не поставил ли я тебя добрым сторожем винограду моему, а ты украл его?» Отвечал слепец: «Господин, ты знаешь, что я слеп. Если бы и захотел украсть, то не нашел бы дороги. Украл хромец, а не я». Тогда повелел Господин блюсти слепца, пока не приведут хромца. Привели хромца, и начали они обличать друг друга. Хромец говорит: «Если бы ты не носил меня, никак не мог бы я дойти, так как хром». Слепец же говорит: «Если бы ты мне путь не сказал, как бы я дошел?» Господин сел на судилище и судил их. Говорит им: «Пусть сядет хромец на слепца. Вы вместе крали.» Когда они исполнили это, он приказал слугам бить их немилостиво.

Толкование

Разумейте смысл этой притчи. Человек доброго рода — Христос Сын Божий, виноград — земля и весь мир. Ограда — закон и заповеди. Слуги его — ангелы. Под хромцом понимайте тело человека, под слепцом — душу его. То, что их посадили стражами у врат,— означает поручение человеку бласти земной. Преступивший заповеди, он был осужден смертью. Когда приводится душа к Богу и оправдывается, говоря, не я, Господи, преступила заповеди твои, но тело, и потому не мучаются души до второго пришествия, но стерегутся там, где знает один Бог. Когда придет Господь обновить землю и воскресить умерших, по слову Павла, тогда все сущие во гробах услышат глас Сына Божия и оживут и выйдут сотворившие доброе в жизнь

вечную. Тогда души снова войдут в тела и примут воздаяния по своим делам. Отселются грешницы во тьму кромешную, где будет плач и скрежет зубовый, а праведницы в жизнь вечную.

Богу нашему Слава ныне и присно и вовеки веков.

Итак, древнерусское сознание прекрасно понимало, что душа включена в тело и вместе с телом может быть спасена, а может быть и осуждена. Душа и тело, как хромец и слепец, имеют вполне ясные очертания и характерные черты. Разлучение души и тела означает смерть, а их соединение после разлучения — жизнь вечную.

Но что путеводствует и душе, и телу; что является Субъектом по отношению к ним; что является тем «невыразимым»?

И.А. Ильин писал: «Человек есть по существу живой, личный дух; и религиозность есть состояние духовное», и, что «дух есть сила личного самоутверждения в человеке».

Господа Бога, того освятите в сердце вашем. И будьте храм Богу. Лучшее, что может из себя сделать человек³⁵.

Мы еще вернемся к этой мысли, развернуто представленной, в антропологии Святителя Игнатия (Брянчанинова), здесь же отметим одновременно внешнюю и внутреннюю природу третьей составляющей структуры личности — Духа. Дух освещает и тело, и душу — делает душу живой, а живое тело духовным. Но лишь в той степени, в которой душа и тело не повреждены грехом.

Душевное и телесное присутствует не только внутри человека, но и вне его. Оно проявляется в делах и плодах индивидуума и человечества в целом. Попробуем дать условный классификатор личностных рефлекторов, на основании различения душевного и телесного, внутреннего и внешнего:

35 Из писем святителя Феофана, затворника Вышенского (1815–1894).

	<i>Внутреннее</i>	<i>Внешнее</i>
<i>Душевное</i>	Ум (Разум), Сознание, Сверхсознание, Душевные Чувства, душа, психическое, психологическая виртуальная реальность и т.д.	Культура, история, социальное, Закон, информационное пространство, семантическое пространство, родина, народ, виртуальная реальность и т.д
<i>Телесное</i>	Внешний человек, Ум (Рассудок), чувственность, организм, здоровье, сексуальность и т.д.	Цивилизация, природа, мир вещей, ойкумена, ноо и техносфера и т.д.

Предлагаемая классификация не претендует на полноту, так как человек не может быть вписан ни в какую схему, но оказывается удобной для упорядочивания различных форм отражений личности.

В данной работе ограничимся рассмотрением следующих зеркал: сознание (душевное внутреннее), здоровье (телесное внутреннее), здоровье природы (телесное внешнее), история и политика (душевное внешнее).

Глава 6

Тело и скорби телесные

Некоторый огородник, именем Иоанн, был весьма милостив к бедным. Из того, что приобретал, он только малую часть оставлял для себя, а остальное все раздавал неимущим. Прошло так довольно времени, и вдруг Иоанна начинает тревожить мысль: «что я буду делать, когда состарюсь и болеть буду? Кому я буду нужен? Кто будет кормить меня?». Стал думать об этом Иоанн и стал копить деньги и скопил серебра количество довольно. Пришла затем, как будто в оправдание его забот, к нему и болезнь. Нога у него загнила и покрылась ранами, и он начал лечиться. Но лечение шло очень туго. Призывал он многих врачей, сыпал им деньги, а между тем пользы никакой. Что делать? Призывает он, наконец, врача искуснейшего всех. Сей осмотрел ногу и сказал Иоанну, что в его болезни остается только одно средство — отнять ногу; «иначе, добавил, все тело твое сгниет». Делать нечего, Иоанн согласился, и врач обещал прийти к нему на другой день. Наступила ночь перед ужасным днем, и всплакнул Иоанн. «Господи!» — сказал он,— «Помяни мои первые дела, когда я был щедр на милостыню, и исцели меня!» Едва только он сказал это, как вдруг стал перед ним Ангел Божий и сказал: «Ну где твое серебро, которое собрал ты?» — «Грешен, Господи, отвечал Иоанн, прости меня и отселе я так поступать не буду!» Тогда Ангел коснулся его ноги, и она тотчас стала здоровою. И, вставши, Иоанн пошел на работу. Утром приходит к нему врач резать ногу и, не видя его, спрашивает, где Иоанн. Да ушел, говоря, рано на работу в огород. Ужаснулся врач и пошел, чтобы собственными глазами убедиться в справедливости слышанного. Приходит и действительно, видит Иоанна копающим землю. Прославил он тут Бога и сказал: блаженны милостивые, яко тии помилованы будут.

Итак, братья, не деньги, а наши добрые дела могут облегчить нашу участь и во время болезни и старости и во всякое время. Поэтому и копите их, а не деньги, больше про черный день (1 Цар. 12, 21). Аминь³⁶.

В поучении (это тема встречается повсеместно в православных текстах) выражено отношение к болезням тела, так называемым скорбям телесным, как явлениям духовной природы. И тленное тело само по себе оказывается при определенных условиях не просто организмом или биопсихическим механизмом, а индикатором состояния души, и, более того, атрибутом духовности, с помощью которого обращается к Господу не только его обладатель, но и окружающие его люди. В Писании и Предании множество примеров этому: История Иова, многочисленные исцеления совершенные Самим Спасителем, вышеупомянутое воскрешение Лазаря, обращение Савла (будущего Апостола Павла), деяния самих Апостолов и т.д. и т.п.

Вместе с тем связь состояния тела — здоровья — с духовным здоровьем вовсе не является простой и однозначной. Праведный Иов испытывает все возможные мучения и скорби, хотя ничем не заслужил их. Эти испытания он получает как дар. Болезнь, воспринимаемая с благодарностью внемляется как духовный подвиг. Напротив, иной злодей может всю жизнь прожить, пребывая в отменном здравии, и скончаться без страданий. И наоборот, здоровьем и долголетием награждает Господь иных праведников, а грешные — мучаются от бесчисленных болезней.

Врачебная наука и искусство врачевания совершенствуется в своем техническом могуществе, находясь в постоянной борьбе с болезнями. Она побеждает одни, но встречается с еще большими. Конца этому не видно. Более того, многие современные медицинские проблемы являются следствием ранее, казалось бы, разрешенных проблем.

36 Пролог в поучениях / сост. Протоиерей Виктор Гурьев. Изд. Св.-Троицкой Сергиевской Лавры, 1992.

Это происходит, очевидно, от того, что не рассматривается духовное содержание и смысл здоровья и болезни, но лишь ее частные телесные проявления. Поэтому новые средства лечения, кажущиеся эффективными на первых порах, оборачиваются затем своей противоположной стороной. Стараясь победить болезнь и смерть, медицина порой оказывается готовой применять безнравственные методы, не задумываясь о гибельных последствиях как для врача, так и для пациента.

Если бы медицина знала, что человек является личностью соборной, ипостасной, а не организмом, не появилась бы идея делать препараты из абортируемых младенцев, трансплантировать органы и т.п.

Серьезную опасность представляют экстрасенсорные целители, к которым вряд ли обратился бы за помощью человек, ясно представляющий, что кроме тела у него есть еще и душа, бессмертием которой он рискует, позволяя сторонней душевной силе бесконтрольно манипулировать ею.

Разрыв врачевания души и тела является следствием разрыва души и тела в самом человеке. В отечественном православии наметилась тенденция соединения в одном лечебном процессе и того, и другого, появление так называемой церковной медицины³⁷. Суть ее в том, что в самом лечебном процессе вместе с врачами участвует священник, совершает таинства, исполняет требы, служит литургию вместе с врачами и врачующимися³⁸.

37 Калмыков А.А. Во исцелении души и тела. / Христианский вестник №1, 1994.

38 На Измайловском острове в Москве, в бывшей усадьбе Романовых есть храм Покрова Божьей Матери, к нему в 19 веке пристроили три четырехэтажных корпуса богадельни для ветеранов войны 12-го года. Больничные палаты имели на каждом этаже непосредственный выход в храм. Таким образом, те из ветеранов, кто уже не мог выходить присутствовали на Богослужениях. Так что медицина и благотворительность в России всегда была церковной.

Глава 7

Индивидуальное, персональное и личностное сознание. Я в Себе

Интеллектуальным, или «умным» зеркалом человека является сознание.

Сознание человека есть свойство постепенно формирующееся и становящееся в процессе его жизни. Сознание общества формируется в процессе его исторического развития. При этом имеет право на существование аналогия между развитием человека-индивида в онтогенезе и человека-индивида в филогенезе и, историческим развитием общества и общественного сознания выражаемого, например, доминирующими идеологиями. На основании этой простой идеи и построена некоторая упрощенная описательная схема формирования сознания.

Схема представляет поэтапный процесс формирования сознания через фундаментальные познавательные функции: 1) этап отрицания; 2) этап отождествления; 3) этап включения. Становление личности как в историческом (филогенетическом), так и индивидуально-жизненном (онтогенетическом) плане проходит обозначенные этапы достаточно сложным образом. Все три этапа могут сопридусловствовать в конкретном человеке или в конкретном обществе, доминируя в отдельных проявлениях личности.

Первое, чему научается человек, едва появившись в этом мире,— это познавательная операция отрицания. Обретая самость, он осуществляет это посредством отрицания всего, что есть «не Я». Мир разделяется на две области: область единого самотождественного мира «Я» и область множественного «не Я».

Это необходимый этап обретения формы, даруемой человеку в момент перехода из внутриутробного защищенного состояния к иному миру, агрессивному и ненадежному. Целостная единая

оформленная самость (индивидуальность) человека противопоставляется множественности бесформенной Среды.

Составляющие эту среду стихии, вещи и люди, воспринимаются функционально, а не сущностно. То есть в зависимости от того полезны или вредны они для индивида. Возникает смещение свойств, приписывания неживому качеств живого и наоборот. В сознании рождаются тотемы и демиурги, формируются архетипы. Это хорошо иллюстрирует поведение ребенка (до четырех — пяти лет), а также архаического общества,— где эгоцентризм является вполне естественным и оправданным.

Здесь еще нет нравственности. Есть только нормы поведения, поддерживаемые авторитетами вождей, предков и идолов, и предписываемыми естественными биосоциальными законами сохранения жизни, рода и вида. Здесь еще нет самих понятий добра и зла,— они трактуются лишь как польза и вред, целесообразное и нецелесообразное, доставляющее наслаждение, приносящее страдание. Операция отрицания аналогична мыслительному убийству и включает в себе отрицание живой, неопределяемой в функционально-рациональных терминах реальности.

В силу непреодолимого барьера между единой самостью и множественным миром, мысль и деятельность разорваны. Это и позволяет мифу быть, по выражению Лосева, всецело реальным и достоверным, поскольку формирование образа реальности остается прерогативой самодостаточного Я.

Такое мировосприятие можно назвать языческим. Оно порождает характерную для язычества множественность и жесткую функциональную отделенность мифологических существ. А также веру в то, что знание может позволить управлять ими (магия), поскольку рационалистическим центром остается человек.

Этот тип сознания можно назвать *индивидуальным*. А соответствующий тип личности — «в себе — личностным», поскольку еще не открыта персоналия «Ты», а есть только «Я». В микрокосме «Я» и происходят все бытийные процессы.

По славянски Я — Аз, а Аз это еще и единица. Число «Один» на символическом языке означает следующее:

ОДИН символизирует бытие и открытие человеку духовной сущности. Это активный принцип, который раскладываясь на фрагменты приводит к многообразию — к Высшей силе, <...> Единица также приравнивается к свету³⁹.

Интересную трактовку букве «А» — дает Сергей Есенин в эссе «Ключи Марии»:

Начальная буква в алфавите — А, есть не что иное, как образ человека, ощупывающего на коленях землю. Опершись на руки и устремив на землю глаза, он как бы читает знаки сущности ее.

Познавая мир, человек структурирует его. Сравнивая себя с другими, он убеждается в сходстве себя с многоразличными другими. Его самотождественность (природная самость) начинает подвергаться коррекции. Вместе с этим активизируется ряд неразрешимых антиномий, делая необходимым постоянно осуществлять выбор. Подобные проблемы знакомы «юноше обдумывающему житье» и обществу, только выходящему на геополитическую арену.

В познание включается операция оценки эквивалентности и неэквивалентности. «Единое» становится свойством не внутреннего, а внешнего мира. «Единое» найденное в абсолюте — отождествление мира и «Я» — это приоткрывающий себя человеку Бог: источник теперь уже реальной жизни; существующей не только внутри сознания, но и вовне. Здесь уже просматривается начало нравственности. Но Единому Богу, тут же, противопоставляется абсолют зла, как нечто самому себе нетождественное; как образ всегда изменчивого Хаоса.

39 Керлот Х.Э. Словарь символов. М.: REFL-book, 1994. С. 576.

Абсолюты Добра и Зла, тем не менее, пока представляются сознанию равносильными.

Так монотеистическое представление о Боге порождает представление дуалистическое, наиболее ярко представленное в гностицизме.

Перед человеком, потерявшим уверенность в своей целостности, знающим, что не все в нем устремлено к добру, ставится сложная проблема. Ему дается шкала, по которой он может определить свое собственное место и решить, к какому полюсу ему двигаться. Выбор между добром и злом оказывается произвольным. Действительно, если полюса Добра и Зла равносильны, то выбор определяется возможными выгодами. Первенствующими становятся критерии цена-качество, а что здесь цена и что здесь качество — определяет личность. Именно об этом Гете в «Фаусте», Достоевский в «Легенде о великом инквизиторе» и Пушкин в «Маленьких трагедиях».

Еще не открылась человеку высшая обусловленность нравственности; еще не познана Любовь; еще не побеждена выравнивательная, всеотождествляющая энтропия — смерть. Но уже дан Закон, а вместе с ним открылось беззаконие. Следуя или тому, или другому можно получать свои выгоды. Достаточно возможностей и для переодеваний зла в добро. «Что вверху, то и внизу» — они эквивалентны.

На этом этапе человеку открывается персоналия «Ты», как равнозначная, что является уже основанием для личностного становления. Этот уровень сознания можно назвать *персональным*, так как он выделяет из множества не только одну обособленную целостность, а ряд близких, имеющих права называть себя «Я». Соответствующий тип «личности» — «*конкретно личностный*», так как операция отождествления осуществляется по признакам соизмеримым с субъектом и характерным конкретно для него.

Соответствующее число Два:

обозначает «эхо», отражение, конфликт и противовес, или противопоставление или мгновенное успокоение сил, находящихся в равновесии.

весии; число также соответствует прохождению времени: линии, идущей из прошлого в будущее; геометрически оно выражается двумя точками, двумя линиями или углом. Оно также символизирует первое неделимое ядро материи, природу в ее оппозиции к Творцу, луну, как противоположность солнцу. Во всей эзотерической традиции двойка рассматривалась в качестве чего-то зловещего; она означала тень и бисексуальность всего сущего или дуализм (представленный в известном мифе о Близнецах), в смысле соединяющей связи между бессмертным и смертным, или между неизменным и изменяющимся. в мистическом символизме ландшафта в мегалитической культуре два ассоциируется с горой в виде мандорлы, центральным пунктом символического Превращения, образующего тигель жизни и включающего два противоположных полюса; добра и зла, жизни и смерти. Кроме того, два — это число, ассоциирующееся с Magna Mater (Великой Матерью)⁴⁰.

Следующей осваиваемой операцией является операция сравнения или включения, при которой находится способ разрешения антиномий, диалектического синтеза противоположностей. Личность одновременно ощущает себя: значительнее мира; ничтожнее его; равной ему. Это открытие триединства — как неслиянного и нераздельного союза. Переход от монотеизма к троичному Богословию позволяющему преодолеть то, что о. Павел Флоренский называл законом тождества. Собственно только при таком мировидении и формируется понятие личности как сущности, облеченной Свободой и Ответственностью.

Христианская философия, т.е. философия идеи и разума, философия личности и творческого подвига, опирается на преодоление закона тождества. Это философия духовная⁴¹.

⁴⁰ Там же. С. 576-577.

⁴¹ Флоренский П.В. Столп и утверждение истины / Том 1. М.: Правда, 1990. С. 268.

Само-доказательность и само-обоснованность Субъекта Истины Я есть *отношение к Он через Ты. Через Ты субъективное Я делается объективным Он*, и в последнем имеет свое утверждение, свою предметность как Я. Он есть явленное Я. Истина созерцает Себя, через Себя в Себе. Но каждый момент этого абсолютного акта сам абсолютен, сам есть Истина. Истина — созерцание Себя чрез Другого в Третьем; Отец, Сын, Дух. Таково метафизическое определение сущности самодоказательного Субъекта, которая есть, как видно субстанциальное отношение. Субъект Истины есть отношение Трех⁴².

В познавательном акте, человек научается реально ощущать включенность свою в нечто большее, целое, единое и одновременно включенность этого большего, целого, единого в себя. Этим преодолевается плоскость закона тождества, и, стало быть, закона смерти. Здесь и соборность, и особенность, и индивидуальность. Здесь смерть своего «я» ради жизни своего «я». Здесь общение с другим, как с самим собой, и с третьим, незримо присутствующим,— (Я, Ты, Он).

Это открытие тайны Любви.

Соответствующее число «Три»:

... символизирует духовный синтез; это формула для творения каждого из миров. Тройка олицетворяет решение конфликта, поставленного дуализмом. Она образует полукруг, включающий зарождение, зенит и нисхождение. Геометрически она выражается тремя точками или треугольником. Она является гармоническим результатом воздействия единства на дуальность. Это число связано с базовыми принципами и выражает самодостаточность или возрастание «единства в самом себе». в конечном счете, оно ассоциируется с понятием неба и троицы⁴³.

⁴² Там же. С. 48.

⁴³ Керлот Х.Э. Словарь символов. М.: REFL-book, 1994.

Структура личности также троично предполагает субстанциальное наличие в человеке тела души и духа, объединенных в целостность личности и несводимых одно к другому⁴⁴. Трехипостасное существование человека и позволяет определять его в качестве посредника между дольным и горним миром.

Это и есть собственно личностное сознание. Соответствующее ему качество личности можно назвать «цело-личностным». Ему присуща способность все выделять (включая себя) и все соединять; отождествлять выделенное и объединенное; ощущать себя и всё, вне себя, целостностью и структурностью; себя вместе со всем вне себя одновременно; мыслить и как часть, и как целое. В полноте это возможно, естественно, только, для идеального человека, соделавшегося в полном смысле этого слова домом Божиим.

Обсуждаемую схему можно представить в виде следующей таблицы:

Репрезентация «Я»	Числовой символ	Тип сознания	Тип личности	Возрастная группа	Религиозная идеология
<i>через не-«Я»</i>	1	индивидуальный	в себе-личностный	детская	политеизм, материализм
<i>через — Ты»</i>	2	персональный	конкретно-личностный	юношеская	монотеизм, пантеизм
<i>«Ты» и «ОН»</i>	3	личностный	цело-личностный	взрослая	троичное богословие

Подчеркнем еще раз, что эта классификация весьма условна и служит только описательным целям. Сознание реального человека в реальной обстановке трудно однозначно отнести к какому-либо определенному типу. Соотношения здесь строятся по принципу подобия, аналогии, особенно когда это касается последних двух колонок. Вме-

⁴⁴ Носов Н.А. Психологические виртуальные реальности. М., 1994.

сте с тем представленная классификация может послужить основой и для осмысления своего собственного состояния, саморефлексии. Так понимание, что сознание в каких-то жизненных ситуациях не отслеживает ничего кроме своего собственного «я», является признаком перекосов в развитии личности. Их следует откорректировать. Таким образом, состояние сознания является индикатором зрелости личности, степени ее духовного совершенства.

Глава 8

Экологическое зеркало

Отражение человека в экологическом зеркале, наблюдаемое всеми жителями земли, постепенно становится лишенным образа — без-образным, порочным, безжизненным. Естественный, наполненный смыслом мир заменяется миром искусственным, внешнеживым подобием жизни. Каждая вещь, вышедшая из рук человека, отбирает вещество и энергию у природы. Она смертна вместе с природным человеком. Вместо предназначенного священнического служения (царственного священства), обожения, одухотворения тварного — омертвление, распространение на тварный мир проклятия смерти.

Просветленный ангелический Лик замещается пустотелой и лишенной содержания демонической личиной.

Сегодняшняя экологическая ситуация кажется безнадежной, однако и на этот сложный вопрос существует лаконичный ответ. В нем четко прослеживается взгляд на человека как на деятеля, обладающего высшей степенью ответственности:

Мир был ввергнут человеком
в грехопадение

Человеком и спасется

Отношение природы, точнее актуальной социально-природной среды⁴⁵, как предноосферного образования (если использовать терминологию глобалистики) к человеку — потенциально, субъект-субъектного характера. Однако в реальности либо человек подчиняется

⁴⁵ К сожалению, терминология, которой приходится пользоваться при описании экологической проблемы, развенчивает сама себя. Действительно, что такое окружающая природная Среда, или природосоциальная среда? Нечто не имеющее структуры, нечто до такой степени внешнее, что и как будто бы, не существующее. И как можно охранять среду и от кого? Быть может, стоило бы использовать термин «Мир» — наполненный смыслом, имеющий центр, обладающий своим собственным бытием. Аналогично бессмысленен и термин «охрана природы», тем более в сочетании «общество охраны природы» или «министерство охраны природы». Как будто есть на свете человек, который бы не участвовал в уничтожении Природы. Думается, что серьезно подходить к решению экологических проблем начнем только тогда, когда преодолеем эту уничижающую природу терминологию.

природе (в данном случае социально-природной среде) и ее разрушительным деструктивным силам, либо, напротив, стремится главенствовать над ней, выступая в роли деструктора. Оба случая в равной степени ограничивают человеческую Свободу и нивелируют личностное начало в самом человеке.

Основная проблема экологии, таким образом, есть проблема смысла жизни.

Она положительно решается обыденным сознанием, посредством простого допущения наличия смысла и цели существования. В противном случае возникает идея самоубийства — саморазрушения, которая может принимать не только индивидуальный, но и тотальный, общественный характер.

Суицидальная идея саморазрушения, тем не менее, подсознательно движет индивидуальным и общественным развитием, проявляясь как в идеологических и политических доктринах, так и в практических действиях.

Все проблемы экологии концентрируются в личности. Существует порочный круг — деформированная психика, потерявшая связь со средой, деформирует среду, которая в свою очередь деформирует психику.

Следовательно, для решения, как личностных, так и экологических проблем необходимо инициировать и поддерживать обратный процесс: совершенствующийся человек совершенствует природно-социальную среду, которая в свою очередь способствует совершенству человека.

Вполне правомочно говорить о личностном кризисе как о кризисе экологическом. Имеет место конфликт человеческого «Я» («Я» — концепции) с набором социальных ролей (т.е. личности в узком смысле этого понятия).

Личностный экокризис проявляется в целом ряде девиаций (отклонений) ее структуры, направленных на упрощение (облегчение) образа внешнего мира и деградацию мира внутреннего. Этот процесс можно обозначить, как прогрессирующее отчуждение. Он про-

является в обрыве связей, прерывании отношений на всех уровнях, от внутриличностных до личностно-космических.

Другими словами, происходит смыслоутрата, потеря способности видеть Смысл в тварном Мире, осмысливать его явления, и утрата смысла жизни и искажение отражающего *образа жизни*.

Однажды отчужденное перестает быть существующим для субъекта, как бы умирает. Перестраивается иерархия ценностей, психический механизм избирательности внимания действует таким образом, что очевидное перестает быть видимым. Психологическая реальность виртуализирует реальность объективную, перенося явления видимого мира в мир невидимый.

Противоположный процесс — *освоение* — есть очеловечивание мира (придание природно-социальной среде атрибутов субъекта), подключение природных сил к движению Разума к Жизни.

Чтобы способствовать освоению ранее отчужденного, необходима ситуация концентрации внимания на объекте отчуждения. Должно произойти что-то вроде прозрения или открытия. Обесмысленной аморфной окружающей природной среде будет придан Смысл МИРА. Должна быть создана ситуация сверхзначимости прерванной связи. Если отчуждение есть падение, то освоение — напротив — возвышение человека, посредством подвига, творческого по характеру. Эта внутриличностная проблема, очевидно, не решается без участия трансценденции.

Эмпирическое обобщение Вернадского⁴⁶, приравнивающее человеческий Разум к природной, геологической силе, заставляет признать равнозначными законы природы и законы человеческого общества, интериализованные в мораль и нравственность. Без понимания этого сегодня уже нельзя говорить о сохранении высшей человеческой ценности — Свободы выбора — и, как следствие, о каком либо развитии Личности. Другими словами, это требует духовного взгляда на мир, предполагающего наличие смысла не только вну-

46 Вернадский В.И. Философские записки натуралиста. М., 1987.

три человека, но и вовне его — наполненность смыслом, осмысление окружающего пространства, наполнение его жизнью.

Земля духовно центральна, потому что человек, прорываясь сквозь бесчисленное видимое, чтобы связать его с невидимым, есть существо центральное, то существо, которое объединяет в себе чувственное и сверхчувственное и потому с большей полнотой, чем ангелы, участвует во всем строе «земли» и «неба». в центре вселенной бьется сердце человека⁴⁷.

Субъектность окружающего мира, при отсутствии очевидных атрибутов субъектности, делает ситуации общения человека с природой принципиально виртуальной (при условии субъект-субъектного общения). Причем эта виртуальность может иметь принципиально различные проявления.

Первый случай характерен для языческого мировосприятия, при котором самобытие природы заставляет человека подчиняться ее проявлениям и придавать им антропоморфный и даже социальный статус. Преодоление подчиненности природным стихиям приводит к иллюзии всевластия. Возникающий при этом идеологический материализм (а точнее нигилизм) быстро приводит к ограничению отношения с миром вещественной областью и, как следствие, к безответственности. Консуетальность (константность бытия), достигнутая такими средствами, является формой самоубеждения, так как окружающая действительность всегда актуальна и интерактивна.

Напротив, мировоззрение, выделяющее человека в качества венца творения, накладывающего на него ответственность за состояния всего тварного и наделяющего его особыми свойствами (душой), позволяющей пребывать одновременно и в горнем, и в дольном мире, в принципе ориентировано на преодоление хаоса и закона смерти в природе, который и является причиной экологического кризиса.

47 Лосский В.Н. Догматическое богословие. М., 1991. С. 234—235.

Экологическая катастрофа не является следствием дел человеческих, но лишь попущением Божиим за первородный грех и продолжающееся падение. В каком-то смысле «среда» есть тело человеческого, непрерывное продолжение его индивидуальной телесной оболочки.

Человек — космическое существо.

Земля, и звезды, и пространство — части его организма. Болезнь души человека приводит к болезни и его тела, т.е. в целом, всего вселенного Космоса, т.е. к страстям телесным, попускаемым для покаяния и спасения.

Человек не в силах не предотвратить, и не организовать глобальный экологический колапс искусственными средствами.

По словам Св. Преподобного Иосифа Волоцкого

... еще апостол сказал: «нынешние небеса и земля, удерживаются тем же Словом» — то есть теперь и небеса, и земля удерживаются тем же Словом Божиим, чтобы они не погубили нечестивых, как прежде, при Ное, водой с небес, или водой от земли, или как погибли содомляне — «огнем и серой и пылающими камнями с неба.»⁴⁸

По Носову Н.А. (здесь и далее)⁴⁹ понятие виртуальности предполагает что то, из чего порождается виртуал, т.е. константная реальность, находится в активном состоянии, живет, дышит — в этом смысле акт творения, порождения непрерывен — как только он прекращается, виртуал прекращается.

Человек, в силу своего виртуального возникновения, содержит в себе «предыдущие» по процессу акта творения реальности: от непосредственно земных (прах земной) до первосозданных (безвидности и пустотности земли). и именно в этом смысле человек является ми-

⁴⁸ Преподобный Иосиф Волоцкий. Просветитель. М., 1993. С. 239.

⁴⁹ Носов Н.А. Психологические виртуальные реальности. М.: Человек, 1994.

крокосмом, подобным макрокосму — в нем претворены виртуально все реальности, созданные Богом, хотя психологически он может и не подозревать об этом. Для человека в его виртуальной ипостаси весь мир является родным, родиной.

Иными словами человек любит освоенное им пространство, не в силу, как иногда считается, приземленности своей человеческой природы,

Для человека его родина репрезентирует собой мироздание как творение Божье, и человек вместе с местом своего рождения и через него вместе со всем мирозданием образуют единство, целостность и полноту. и в этом смысле каждый человек рождается в центре мира, а виртуальная реальность есть реальность, все точки которой являются центральными.

Из понятия виртуальности следует, что человек может осуществить полноценно свою жизнь только на своей родине, понимая ее в виртуальном смысле.

Кем бы человек ни был, чтобы он ни делал, где бы он ни жил, в силу виртуальности, он должен чувствовать себя в центре мира. и быть с миром и в мире. Но очень часто человек оказывается вне центра, на обочине жизни. Человек может жить своей жизнью и умереть своей смертью только там, где жизнь его виртуальна, т.е. там, где все центрировано на нем, там, где он может сам строить свою жизнь — это и будет его родиной. Там же, где он находится на обеспечении, т.е. там, где он рассматривается как константное образование,— там его тюрьма.

Экологическая проблема в виртуалистической формулировке предстает проблемой сохранения виртуала, т.е. сохранения личности. И эта проблема оказывается вовсе не внешней, не естественно-научной и даже не социальной, а глубоко индивидуальной, почти интимной, решаемой исключительно собой, в себе и для себя.

Глава 9

Зерцало истории и политики, предназначение человека и народа

Начало истории совпадает с сотворением человека по Образу и подобию Божию и последующим грехопадением в результате вкушения плода от древа познания добра и зла по искушению гностическим змеем. Приход в мир зла и борьба с ним добра составляет смысл человеческой истории.

Конец истории — это окончательная победа над злом, персонифицированным в виде врага, лукавого, клеветника, т.е. сатаны, действующего по попущению Божию. Вместе с тем, высокое предназначение человека, его царственное священство, состоит в том, чтобы освящать созданный Богом мир, обращать материальное в духовное, сокращая тем самым территорию царства князя мира сего.

Грех — это то, что мешает выполнять эту задачу, так как приводит к духовной смерти, обращая человека в исключительно материальное (точнее противоестественное — вещественное, по сути бессловесное т.е. безблагодатное) существо.

Спасение — это освобождение от греха, прежде всего первородного — ответственного за приход в мир зла. «Земля была ввержена человеком в грехопадение — Человеком и очистится» — такова формула православной антропологии, не снимающей с человека ответственности, но сохраняющей за ним достоинство существа со свободной волей.

История церкви, как и предшествующая ей библейская история, есть развертывание ступеней все нарастающего откровения Божия в судьбах земного человечества и, еще точнее, — в судьбах некоторых его частей, т.е. отдельных народов. При взгляде на эти народы, очами веры они предстают перед нами как избранные сосуды и органы откровения. Таким провиденциальным предизбранием эти народы, со своей

ственными им качествами и их культурами, нимало не стеснялись в их естественном свободном развитии, в увлечениях, крайностях, страстях, ошибках, грехопадениях и восстаниях. История избранных народов не останавливается в ее натуральном движении, не коченеет и не мертвеет, подобно механическому инструменту в руках Провидения. Божественное откровение не нуждается в упразднении свободы. Божественная эволюция данных народов служила лишь наиболее целесообразным фоном и средой, на которой перст Провидения начерчивал потребные в домостроительстве спасения мира письмена. «Многочастье и многообразне, древле, Бог, глаголавый отцем во пророцех» (Евр. 1:1) моментами выправлял ход событий вторжениями в него чудесных воздействий свыше, «чудотворяй иногда».

Священная библейская и церковная история могли быть в конкретных формах и иными, при всей их неизменности по существу. Это царство свободы, а не физической, мертвящей необходимости, фатального предопределения⁵⁰.

Для православия характерна проповедь индивидуального личного спасения «Спасись сам — возле тебя многие спасутся» — говорил св. Преподобный Серафим Саровский, раскрывая смысл подвижнической деятельности вообще. Идея личного спасения ничего не имеет общего с эгоизмом, поскольку предполагает молитвенный подвиг во имя спасения вообще всех людей, в смысле обращения их к Отцу и Сыну и Святому Духу, избавлению от богооставленности (апостасии) и дарованию душе непосредственного видения Бога и общения с Ним.

Посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили

Рим. 5:12

50 Карташев А.В. Вселенские Соборы. М.: Республика, 1994. С. 7.

Посему, как преступлением одного всем человекам осуждение, так правдою одного всем человекам оправдание к жизни. Ибо, как непослушанием одного человека многие сделались грешными, так и послушанием одного сделаются праведными многие. (Рим. 5: 18. 19.)

То, ради чего Бог создал человека, редко обсуждается в Богословии, так как «неисповедимы пути Господни», однако особое промежуточное положение между тварным, бессловесным, не имеющим души (дольным) миром и миром бестелесным, духовным (горним) делает его необходимым элементом одухотворенного Космоса. Человек обязан не только одухотворять своим существованием дольний мир, но и совершенствовать его, закалять страданиями и борьбой с искушениями (борьбой с проявлениями действия бесплотных падших духов, обитающих в горнем мире) свою душу, подготавливая ее к жизни в мире горнем. Этим в православии одновременно снимаются проблемы антроподии и теодиции. Этим раскрывается один из смыслов антропологической формулы: **человек — тварь небесная и ангел земной.**

А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: «зачем ты меня так сделал?» Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой для низкого?

Рим. 9.20—21

Особым вопросом является общение человека с видимым и невидимым мирами, если в видимом мире человек — Ангел (вестник, посланец) Земной, венец Творения и Царь природы, то в невидимом он тварь небесная, не обладающая достаточными силами для того даже, чтобы различать населяющие этот мир духовные сущности в плане их принадлежности Добру или Злу. Поэтому и считаются запрещенными какие-либо самовольные незаконные вхождения в невидимый мир, например, дорогой магии. Однако, поскольку познание этого мира необходимо душе, то для его осу-

ществления существуют законные пути, отработанные церковной традицией в частности через таинства и посредством даров священства. Так, центральное событие литургии — таинство причастия — состоит, с одной стороны, в содействии человека (священника) пресуществлению (изменению сущности) вина и хлеба в кровь и тело Бога, а с другой, в причастии этими Святыми Дарами мирян и духовенства, вкушению Их и приобщению к сущности Самого Бога⁵¹.

Когда мы недостойные сподобимся со страхом и трепетом причаститься Божественных и Пречистых Таин Христа Бога и Царя нашего, тогда наиболее покажем трезвления, хранения ума и строгого внимания, да огонь сей Божественный, т.е. тело Господа нашего Иисуса Христа потребит грехи наши и наши большие и малые скверны. Ибо, входя в нас, Он тотчас прогоняет из сердца лукавых духов злобы и отпускает нам прежде бывшие грехи; и ум наш тогда оставляет свободным от бесконечной докучливости лукавых помыслов.

Преп. Исихий

Существо, наделенное высоким предназначением и достоинством, не может быть подвластно судьбе. Языческая идея Фатума и Рока противоречит принципу Свободы, однако существует то, что именуется Промысел Божий, под которым разумеют явленное присутствие Воли Божьей в земной жизни. Примером промыслительности может служить обращение гонителя христиан Савла, который, как известно стал, св. апостолом Павлом. Промысел невозможно изменить, но можно ему воспротивиться, подобно тому, как часто противятся воле родителей их дети, за что соответственно бывают наказаны.

51 о. Павел Флоренский говорил, что человеку многое дано, ему дано сотворять пресуществление хлеба и вина, т.е. сотворять Самого Бога. Это «со» весьма примечательно, и весьма распространено в разговорном языке православных «со — творим, братия, молитву», оно предполагает, с одной стороны, соборность всех христиан (как живых, так и почивших), а также участие в творческом акте Молитвы (а тем более при совершении таинств) Ангелов Господних и всех Святых.

Считается, что все наши беды случаются из-за того, что мы противимся Промыслу, за что и бываем наказуемы, ради нашего же блага, ибо высшая форма человеческой свободы — это полное освобождение от рабства страстей и следование за Господом. «Возьми бремя мое и неси, ибо бремя мое легко». Но свободное подчинение своей воли Богу может быть осуществлено только при наличии взаимной Любви. Любовь выступает в качестве Божественной силы, связующей все элементы мироздания в единую иерархическую систему — одухотворенный Космос в противоположность ненависти, разъединяющей и хаотизирующей.

Среди этих элементов и так называемый загробный мир (признание вечной жизни за гробом), населенный душами умерших и ожидающих Второго Пришествия и Страшного Суда, чтобы воскреснуть во плоти или быть по грехам ввергнутым в гиену огненную. Без знания о загробном мире нельзя приблизиться к православному пониманию человека — существа смертного, но обладающего бессмертной душой. Живущего в материальном мире и находящегося в контакте с духовным. Способного вымолить у Бога прощение почившим душам, которые не способны по своей воле изменить свое состояние.

Легко видеть, что современные научные концепции истории и прогресса существенно расходятся с православным ее пониманием, а положенные в основу идеологических и политологических доктрин, отвращают народы от пути Спасения (домостроительство спасения мира), суть которого и составляет история. Думается, что нет необходимости приводить примеры этого, они перед глазами.

Кому-то до сих пор недостаточно ясно, что общественное и политическое строительство в России может быть только и исключительно православным, и до тех пор, пока большинство народа не признает это, и уже этим принесет покаяние, рассчитывать на спокойную и нормальную жизнь в России не приходится.

Россия, в целом, является субъектом (Личностью) общемирового исторического процесса, взаимодействующим с другими субъектами-цивилизациями и с мировой социально-политической средой. Субъектности присуще: активность, целеполагание и ценностная

ориентация. Причем следует различать геополитику актуальную и геополитику фундаментальную, аналогично онтогенетическому и филогенетическому уровню развития личности. Такое разделение позволяет отслеживать результат суперпозиции фундаментальных геополитических целей (характеризующихся историческим временным масштабом и территорией интересов) и актуальных (скорость процессов измеряется временем жизни тех или иных политических структур, а пространственно ограничивается границей государства).

Отношение фундаментальной и актуальной геополитик может быть различным, от согласного до конфликтного. Согласное отношение ведет к усилению Государства, а конфликтное, в конечном итоге, может привести к его распаду и самоуничтожению. Вместе с тем фундаментальная геополитика, как правило, подчиняет себе актуальную, заставляя правителей, даже вопреки своим собственным интересам, реализовывать цели фундаментальной геополитики.

В качестве субъектов внутренней политики выступают различные общественные структуры, деятельность которых самоопределяется как российская, в зависимости от трактовки этого понятия внутри них. К ним относится Государство, политические партии, общественные движения, структурированные профессиональные сообщества и т.п. Сегодняшняя общественная ситуация характерна партикулярностью, т.е. разделением общества на части, каждая из которых осуществляет самостоятельное целеполагание, основываясь на своей системе ценностей. При этом, каждая из этих общественных структур претендует на роль целеполагания и формирования системы ценностей для всего общества. Каждая часть стремится поглотить и подчинить целое. Масштаб этих структур лежит в диапазоне от личности до народа, однако ни личность, ни народ не стали сегодня субъектами внутреннего социально-политического процесса в актуальном смысле, реализуясь лишь в контексте фундаментальной геополитики. Такова в общих чертах политическая проблема в сегодняшнем российском обществе. Очевидно, что царство, разделенное в самом себе, обречено на распад, откуда следует необходимость иерархиза-

ции общественных структур, подчиненных фундаментальной геополитике России.

Все противоречия, возникающие на верхних этажах, переживаются каждой конкретной личностью. С другой стороны, именно проводниками и геополитики, и политики являются конкретные деятели. Высшая форма общественной организации — это представленность ее конкретной личностью. Высшая форма организации народа — это личностная государственность, соответствующая фундаментальным геополитическим целям народа, обеспечивающего законопослушание и деятельность, направленную на укрепление Государства, которое по определению митрополита Филарета (Дроздова) есть

Союз свободных нравственных существ, соединившихся между собою, жертвующих частью своей свободы для охраны и утверждения общими силами Закона Нравственности, который составляет необходимость их бытия.

Глава 10

Виртуальная реконструкция антропологии Исаака Сирина⁵²

Как уже отмечалось, в качестве одного из продуктивных способов применения научного метода к изучению необъективируемых явлений выступает сегодня психология виртуальной реальности. Ее базисные постулаты, позволяющие в действительности описывать научным языком феномены невидимого мира и психологию внутреннего человека в следующем:

- признание полионтологичности бытия;
- признание реальности невидимого мира (в частности ангельского мира, или тверди);
- признание субстанциальности внутреннего человека, т.е. души, духа и т.д.;

При этом необходимо отдавать себе отчет в том, что хотя естественным следствием виртуалистического подхода становится признание бытия Божьего — бытие Божие ни в коем случае не может быть доказуемо научными средствами. Более того, подобное не может являться и предметом научного исследования. Вместе с тем, как будто бы нет оснований сомневаться в возможности исследования феноменов духовного мира, как проявлений мира горнего в мире дольнем.

В этом смысле и представляет интерес виртуальная реконструкция антропологии в видении Исаака Сирина, осуществленная Н.А. Носовым.

Исаак Сирин известен своими глубокими мистическими прозрениями, которые им положены в основу христианской этики⁵³. Все ци-

⁵² Это глава подготовлена по работам Николая Александровича Носова.

⁵³ Все цитаты из Исаака Сирина приведены по изданию: «Творения иже во святых отца нашего Аввы Исаака Сирианянина, подвижника и отшельника, бывшего епископом христолюбиваго града Ниневи. Слова подвижнические». Сергиев Посад, 1911 год.

таты из Исаака Сирина приведены по изданию: «Творения иже во святых отца нашего Аввы Исаака Сирианянина, подвижника и отшельника, бывшего епископом христолюбиваго града Ниневии. Слова подвижнические». Сергиев Посад, 1911 год.

Преподобный Исаак Сирин жил в Сирии в VI—VIII вв. После проживания некоторого времени в монастыре, преп. Исаак удалился в отшельническую пустынь, где всецело предался безмолвию и уединению. За свои подвижнические подвиги он был возведен на епископский престол города Ниневии, который занимал крайне недолго, увидев, что не в силах исправить нравы жителей. Преп. Исаак Сирин опять ушел в пустынь, где жил до конца жизни.

Епископ Феофан, Затворник Вышенский, составил молитву преп. Исааку Сирину:

Преподобие отче Исаакие! моли Бога о нас и молитвою твоею озари ум наш разумети высокие созерцания, коими преисполнены словеса твои, и паче возведи или введи в тайники молитвы, которой производство, степени и силу так изображают поучения твои, да ею окрыляемые возможем свободно теши путем заповедей Господних неуклонно, минуя препятствия, встречаемые на пути и преодолевая врагов, вооружающихся на нас (с. X—X1).

В основе объяснительной схемы Исаака Сирина лежит достаточно сложная онтологическая конструкция, объединяющая в себе идею двуприродности человека (*«человек составлен из двух частей, т.е. из души и тела» (с. 251)*) и представление о трехчастном строении человека (*«три суть мысленные способа, по которым ведение восходит и нисходит: и бывает изменение как в способах, какими водится ведение, так и в самом ведении; и чрез это оно вредит и помогает. Три же способа суть: тело, душа, дух (с. 124)*).

Кстати, двух-трех частность и символика, с этим связанная, весьма характерна именно для православного христианства — достаточ-

но упомянуть правила сложения перстов при крестном знамении и смысловое значения этого жеста⁵⁴.

Исаак Сирин применяет своеобразный способ преодоления дуализма, при котором каждый из элементов оппозиции опять раскладывается на две части.

У нас два душевных ока, как говорят Отцы, подобно тому, как два же телесные ока; но пользование для созерцания каждым из очей душевных не одно и то же: одним оком видим тайны Божьей славы, сокровенные в естествах, т.е. силу и премудрость Божию и совечнопромышление Божие о нас, постигаемое из величия управления Его нами; а подобно сему тем же оком созерцаем и небесные сослужебные нам чины. Другим же оком созерцаем славу святого естества Божия, когда благоизволит Бог ввести нас в духовные таинства и в уме нашем отверзет море веры. (с. 396–397).

Итак, Исаак Сирин, взяв видимого телесного человека, в соответствии с категориальной оппозицией «фюзис-псوخэ», выделяет в нем тело и душу. Затем применяет эту оппозицию еще раз, но уже только к одному члену предыдущего расчленения, а именно: к душе. Душа при этом, как и внешний человек до этого, раскладывается на две части: «душу» и «тело». Так онтологически образуется внутренний человек.

Внешний человек состоит из организма («тело») и психики («душа»). Исаак Сирин дает основания считать компонентами внутреннего человека сознание и волю. «Телом» внутреннего человека является сознание, а «душой» — воля. Внутренний человек не является образо-

54 Сложенные три первых пальца вместе выражают нашу веру в Бога Отца, Бога Сына, Бога Духа Святого, как единосущую и нераздельную Троицу, а два пальца, пригнутые к ладони, означают, что Сын Божий, по сошествию своем на землю, будучи Богом, стал человеком, т.е. означают Его две природы — Божескую и человеческую. Осеняя себя крестным знамением, мы кладем сложенные так пальцы на лоб — для освещения нашего ума, на чрево (живот) — для освещения наших внутренних чувств, потом на правое и левое плечи — для освящения наших сил телесных (Закон Божий — о крестном знамении).

ванием «тело — сознание — воля». Психика является психикой только относительно организма. Воля и сознание появляются, при переходе на другой уровень, где организма и психики уже нет. Они становятся такими же элементами среды, как камни и деревья. И только на уровне внутреннего человека можно зафиксировать события сознаниевые и волевые, т.е. духовные относительно внешнего человека.

Ибо, когда во внешних членах прекратятся внешний мятеж и попечение о внешнем, тогда ум от внешних опечений и парения возвращается к исследованию внутренних душевных мыслей» (с. 92).

Экзистенциальное отношение между внешним и внутренним человеком строится по типу «явное — тайное», «профанное — сокровенное».

И как душа внутри тела сокрыта от зрения от общения со всеми людьми, так и истинно смиренномудрый человек, по своему отлучению от всех и по лишению во всем, не только не желает быть видимым и знаем людьми, но и даже такова его воля,— если можно, от самого себя погрузиться внутрь себя, войти в безмолвие и вселиться в нем, всецело оставив все свои прежние мысли и чувствования, соделаться чему-то, как бы несуществующим в твари, не пришедшим еще в бытие, вовсе неизвестным даже самой душе своей (с. 211—212).

Сознаниевые и волевые события являются духовным уровнем по отношению к внешнему человеку. Таким образом, троичность «тело — душа — дух» имеет место при двуприродности (тело — душа) человека. При применении к воле разделения на тело и душу образуется, говоря словами Исаака Сирина, совершенный человек. Он является духом и следующим чином по отношению к внутреннему человеку.

Представь себе, что добродетель есть тело, созерцание — душа, а то и другое — один совершенный человек, соединяемый духом из двух частей, из чувственного и разумного (с. 14).

Исаак Сирий пишет о трех человеческих чинах, каждый из которых специфицируется своим видением Бога.

Есть три чина, которыми человек преуспевает: чин новоначальных, чин средний, чин совершенных (с.345).

Каждый следующий чин по отношению к предыдущему находится в отношении включения. Пределом, духом самого последнего чина является Бог. Возможно выделение внутри каждого элемента новых уровней.

Ибо сколько ни усовершенсается человек пред Богом, все-таки он идет сзади Его... ибо праведные, сколькони входят в созерцание Его, видят образ Его как в зеркале... (с. 405).

Носов Н.А. применяет эту схему в обратном направлении. Внешний человек с еще более внешней позиции выступает как индивид, который является «душой» рода. Род есть тело родового человека. Индивид плюс род образуют родового человека. Родовой человек, род человеческий, если с еще более внешней позиции, есть ни что иное как разумность, т.е. душа, по отношению к природе, т.е. телу космического человека. Духом космического человека является творец тварного мира — Бог. Только в крайних членах присутствует трехчленность в явном виде.

Бог имеет в качестве своей действительности, с одной стороны человека, а с другой — природу. Человек и природа выступают как равнофункциональные образования: микро- и макрокосм.

Потщись войти во внутреннюю свою клеть, и узришь клеть небесную; потому что та и другая — одно и то же, и входя в одну, видишь обе (с.10).

Вот, если будешь чист, то внутри тебя небо, и в себе узришь ангелов и свет их, а с ними и в них и Владыку ангелов (с.37).

А познание самого себя становится познанием мира, управление собой — управлением миром.

Кто познал себя, тому дается ведение всего, потому что познать себя есть полнота ведения о всем; и вследствие подчинения души твоей подчинится тебе все» (с.372).

Вышеуказанное предстает в форме онтологической схемы, являющейся одновременно схемой антропологического прототипа, т.е. образа человека:

Из схемы видно, что понятие «дух» относительно — каждый, более первый элемент, является «духом» по отношению к предыдущему. А каждый элемент предполагает наличие тела и души. А само понятие «человек» оказывается несубстанциональным, как и «компоненты» человека: тело, душа, дух — а функциональным.

Для внешнего человека духом будут и сознание, и воля, и совершенный человек, и все, что за ним стоит. Для внешнего человека, космос — это другие люди и природа, для внутреннего человека — это и внешний человек, и другие люди, и природа. Космосом же, в соответствии с оппозицией «фюзис — псюхэ», можно именовать и собственное тело. В этом смысле понятия «тело» и «космос» тождественны.

Человек осуществляет свою жизнь лишь на одной из ступенек. Реальность этой ступеньки является для него «объективной», константной. Все остальные реальности находятся в виртуальном для него состоянии.

В виртуальную реальность из константной можно перейти «навсегда», и тогда именно она становится для человека константной, а бывшая константная становится при этом виртуальной. При переходе во внутреннего человека организм человека не исчезает, но приобретает статус не личного, а природного объекта — отсюда и определенная бесчувственность тела к воздействию физических воздействий, и снижение уровня потребностей тела. У человека остается возможность «возвращения» к своему телу, например, при греховном падении и выходе из внутреннего человека опять во внешнего. При переходе человека на новую, более высокую ступень у него появляется возможность перехода в следующую виртуальную реальность, на новую ступеньку.

Исаак Сирин описывает механизм перехода в новую реальность и обоснования там человека, т.е. смену духовного статуса. Но в виртуальной реальности можно оказаться временно. Если произошел временный переход на более высокий уровень, то такие моменты переживаются как озарение, прояснение, прилив сил и т.п. Если произошел «временный» переход на более низкий уровень, то такие моменты переживаются как спад, помрачение, обессиливание и т.п.

Исаак Сирин не пишет об абсолютных ступеньках, уровнях и о «ширине шага» между ступеньками, но, напротив, каждый шаг мо-

жет быть любой ширины — главное заключается в переходе в новую реальность.

Человека, пребывающего в мире, окружают и наполняют различные страсти.

Когда вообще хотим именовать страсти, называем их миром; а когда хотим различить их по различению наименований их, называем их страстями (с. 15).

Страсти бывают двух видов — телесные и духовные:

Мир есть плотское житие и мудрование плоти (с.16).

Миром же называю страсти, которые порождает это парение ума (с. 411).

Страсти — это нечто чужеродное природе человека, проникшее в него извне, страсти — это *«приращения, которые производятся вещами мира сего, побуждая тело удовлетворять излишней его потребности...»* (с.161). Страсти — это приращения не только телесные, но и духовные — *«ибо по природе душа бесстрастна»* (с. 18).

Множество дел, множество времен, в которых мы живем, внедряясь в нашу жизнь, создают путанность, разорванность души и чувств, что порождает различного рода аномии, нестроения. Человек и его жизнь «растаскивается» по разным действительностям. Поскольку размываются границы между человеком и миром, между моим и чужим, человек поступает по чужим велениям, теряет Свободу, т.е., фактически, свое уходит к чужому, а чужеродное переходит в Я, в человека: *«тогда приближается человек чуждый»* (с. 149), то есть бес.

Поэтому первая задача, которая стоит перед человеком — собрать себя воедино на уровне души, а на уровне тела — ограничиться только естественно необходимым.

Основание всего доброго, возвращение души из вражия плена, путь, ведущий к свету и жизни — все это заключено в сих двух способах: собрать себя воедино и всегда поститься» (с. 373).

Собрать себя воедино — это не значит отгородиться от мира, замкнуться в себе, очертить себя кругом, но — задать, как бы, стержень, характер единства своих переживаний и состояний. Исаак Сирин называет такое состояние чистотой.

Как вся сила законов и заповедей, какие Богом даны людям, по слову Отцев, имеют пределом чистоту сердца, так все роды и виды молитвы, какими только люди молятся Богу, имеют пределом чистую молитву (с. 61). Чистота души есть первоначальное дарование естеству нашему (с. 240).

Собирать себя воедино следует двумя способами однородными по типу: воздержанием телесным и воздержанием духовным. Воздержание задает единство собственного бытия за счет ограничения чужих побуждений, чужих приражений. Воздержание всегда связано с претерпеванием. Воздержание может осуществляться в двух формах: недействие в соответствии с соблазном и противодействие соблазну.

Противодействие является неэффективным, проигрышным вариантом борьбы, ибо чем больше борешься, тем сильнее образ того, с чем борешься; с чем борешься, тем и становишься,

«потому ум, на что взирает, от того приемлет и образы» (с. 261). «Итак, рачительномуинок приличноскорую ногою, не обращаясь вспять, бежать от всего воющего с иноком, не входить в общение с тем, что ведет с ним брань, но воздерживаться даже от единого воззрения на них и, сколько возможно, удаляться от их приближения... потому что страсти приобретают большую силу от сближения со всем подобным сему,

как расслабляющим подвижника и изменяющим мысли его и намерения» (с. 86–87).

В этом смысле единственным способом борьбы со страстями является недействие, не реагирование на чужеродную детерминацию. Лучший способ не реагировать на соблазны — забыть о них, цель деятельности — *«забвение способов ведения через естество, заимствованных от естества в мире»* (с. 97); *«Во избежание уныния пусть будет у тебя небольшое дело, не возмущающее ума»* (с. 138).

С претерпевания, терпения, страдания и начинается путь ведения, а не с желания, не с помышления о пути.

Терпение есть мать утешения и некая сила, обыкновенно порождаемая широтою сердца (с. 391).

Цель и результат, если он достигается, терпения — покорность, смирение телесное и душевное.

Истинная покорность двояка: в делах и в поношениях (с. 371). Ибо, пока не смиритсЯ человек, не получает награды за свое делание (с. 148). Поэтому сердце, пока не смиритсЯ, не может престать от парения, смирение же собирает его воедино (с. 334).

Результат терпения и определяется по двум же — в силу двуприродности — показателям.

И отчуждение от мира познается по сим двум признакам: по превосходнейшему житию, и по отличию понятий самого ума (с. 16).

Смирение порождает в душе чистоту как независимость от страстей.

Чувства целомудренные и собранные во едино порождают в душе мир Божий, и не попускают ей входить в испытание вещей (с. 25).

В то время, как смирение воцаряется в житии твоём, покоряется тебе душа твоя, а с нею покорится тебе все, потому что в сердце твоём рождается мир Божий (с. 372).

Духовное созерцание действует в области чистоты внутри нас (с. 262 — 263).

Чистота есть выход за эту реальность, видимую, телесную жизнь, полагание существования чего-то сверхчувственного, сверхъестественного, сверхобыденного. Но осуществляется этот выход еще раз, за счет того, что мы переживаем, претерпеваем — человек превосходит в своем терпении действие неких раздражителей, от которых он решил отказаться. Переживание более долговременно (пере-жил), чем действие чужеродных детерминант, и есть способ выхода в сверхчувственную область.

Полагание существования этой реальности является основанием для движения в ней, но, помимо этого, нужно верить себя ей. «Вверить» в том смысле, что действительно положить ее как абсолютную реальность, жить, как будто она есть.

Для тайн Духа, которые выше ведения, и которых не ощущают ни телесные чувства, ни разумная сила ума, Бог дал нам веру, которою познаем только, что тайны сии существуют (с. 264).

Но сколько бы человек ни употреблял усилия, чтобы духовное снизошло к нему, оно не покоряется (с. 267).

Надо довериться духовному. Только уверование приводит к порождению в человеке собственно третьего — духовного — уровня. До тех пор, пока мы не уверовали, есть только тело и душа, или ум и живот, а для сердца места нет. Уверование (и покорность чувств и ума) пробуждает сердце, т.е. рождается внутренний человек.

Внутреннее омертвление невозможно без приведения чувств в деятельность. Телесная жизнь требует пробуждения чувств, а жизнь душевная — пробуждения сердца (с. 410).

Тогда и внутренний человек пробуждается на духовное дело, и день ото дня более ощущает сокровенную мудрость, цветущую в душе его (с. 92).

Отношения между страстями и внутренним человеком таковы, что когда есть страсти, нет внутреннего человека, и наоборот.

Жизнь в Боге есть низвержение чувств. Когда будет жить сердце, низвергаются чувства. Воскресение чувств есть омертвление сердца; и когда они воскреснут, это — признак омертвления сердца для Бога (с. 411).

Способ перехода из одного статуса в другой — смерть.

Когда из любви к Богу желаешь совершить какое дело, пределом желания поставь смерть...(с. 163).

При переходе от внешнего человека к внутреннему — это смерть страстей, а не внешнего человека как такового.

И когда Христос совершил достойное Свое домостроительство, то послал апостолам — Духа Утешителя, очистил и усовершенствовал их, действительно умертвил внутри их ветхого, страстного человека и действительно оживотворил в них нового, духовного человека, и прияли они ощущение того и другого (с. 270).

Существует мнение, что внешний человек и есть страстной, ветхий человек, а внутренний — это новый, духовный. Если придерживаться этой точки зрения, то придется признать, что внутренний и внешний человек субстанционально отрицают друг друга, т.е. никаких прояв-

лений одного при существовании другого быть не может. Но Исаак Сирин пишет, что смертью внешнего человека является уничтожение страстей, а не уничтожение субстанций внешнего человека: тела, организма и психики, души. Умерщвление внешнего человека не означает, что у человека пресекаются телесные и умственные, душевные потребности. Они остаются, но удовлетворяются в меру. *«Всякую вещь красит мера» (с.6)*. Да и страсти — это не телесные и умственные потребности сами по себе, а мудрование их. «Совершенный и великий» же обретает такую способность, как свободу пользования своими чувствами, *«разрешение чувств» (с. 51)*. Совершенство, т.е. внутренний человек, не лишается телесных ощущений, но приобретает власть над ними. Таким образом, реальность внешнего человека остается в человеке при рождении в нем внутреннего человека.

Когда рождается внутренний человек, он рождается со своим телом и своей душой. Внутренний человек обладает своей чувственностью или сверхчувственностью, относительно чувств внешнего человека. Для внутреннего человека характерно, в частности: покорность чувств, трезвенность ума, кротость помыслов, светлые движения мысли, память смертная, чистое целомудрие, острота зрения и разумения того, что далеко, различение и рассуждение духов. Внутренний человек имеет всю полноту жизни, но жизни чистой. Чистота есть бесстрастие; бесстрастие как отсутствие чужеродных переживаний, а не переживаний вообще.

Бесстрастие есть душевное здоровье, страстность — болезнь.

Человек ревнивый никогда не достигнет мира ума, а чуждый мира — чужд и радости. Ибо если мир ума называется совершенным здоровьем, а ревность противна миру, то, следовательно, тяжкою болезнию страждет тот, в ком есть лукавая ревность.... Кто скорбит сердцем, а чувствам своим дает свободу, тот подобен больному, который страждет телесно, а уста имеет открытыми для всякой вредной ему снеди» (с. 418–419).

С переходом на уровень внутреннего человека вера тоже преображается, становится иной. Если на уровне внешнего человека речь шла об уверовании как полагании существования чего-то и доверии ему, то на уровне внутреннего человека возникает вера созерцательная — человек реально видит это сверхчувственное, которое раньше лишь допускал существующим. Если вначале человек веровал во что-то, то верил в это как в необходимость, как в то, что должно существовать: «есть же, в конце концов, истина и красота на свете» — то, когда он перешел на уровень внутреннего человека, истину и красоту он видит внутренним оком, натурально видит, созерцает.

Есть ведение, предшествующее вере, и есть ведение, порождаемое верою. Ведение, предшествующее вере, есть ведение естественное; а порождаемое верою есть ведение духовное (с.399).

Духовное же ведение есть ощущение сокровенного. и когда ощутит кто сие невидимое и во многом превосходнейшее, тогда приемлет оно от сего именование духовного ведения, и в ощущении его рождается иная вера, не противная вере первой, но утверждающая ту веру. Называют же ее верою созерцательною. Дотоле был слух, а теперь созерцание; созерцание же несомненное слуха (с. 401).

Каждый более высокий элемент по отношению к предыдущему в предельной онтологической схеме есть духовное в том смысле, что он является сокровенную сутью, сокровенностью бытия для более низшего образования. Если мы находимся на уровне внешнего человека, то для нас «проблематичным» будет сознание (и воля), а наличие психики у внешнего человека — несомненным. Никто не отрицает наличие психики у человека, часто по-разному понимая, что это такое, а наличие сознания часто усомневается. И понятно, откуда это сомнение проистекает: признание существования сознания требует постулирования его сокровенности, особенности его бытия — особенности его наблюдения и описания в отличие от

организма и психики. Необходимо полагание онтологичности сознания, особенности и самодостаточности его существования, а не объяснения его через другие сущности. Без признания такой сокровенности-онтологичности сознание вечно будет психологическим миражом.

Созерцание сокровенного каждый раз сопряжено с переходом границ или снятием покровов. Созерцание сокровенного и есть любовь.

Ибо любовь есть вместилище духовного, и водворяется в чистоте души. Когда ум станет в области любви, тогда действует благодать, ум приемлет духовное созерцание, и делается зрителем сокровенного (с.269).

Любовь есть порождение ведения истины (с.76).

Любовь не есть отношение к чему-либо; любовь есть **состояние** человека, попадание через снятие покровов в место, где видим сокровенное, в место, где есть духовное, высшее для нас.

Любовь есть царство (с. 392).

Рай есть любовь Божия (с. 397).

И когда происходит открытие духовного, человек упокаивается и для него кончается жизнь, связанная с переходом этой границы: кончается борьба, или претерпевание, кончается страх, поскольку надежды оправдались, кончается труд, поскольку не нужно больше совершать усилия, соответственно, кончается утомление. Когда человек *«достигнет любви, тогда становится выше естества, и отступают от него борьба, страх, труд и утомление»* (с. 402).

Но переход к сокровенному сопровождается потерей, очищением, умертвлением себя старого, ветхого — снятием своих покровов, обнажением себя, открытием своей сути.

Телесная добродетель в безмолвии очищает тело от вещественного в нем; а добродетель ума смирят душу и очищает ее от грубых губительных помышлений, чтобы не ими занималась она страстно, но паче пребывала в созерцании своем. Созерцание сие приближает ее к обнажению ума, что называется созерцанием невещественным (с. 392).

Когда приобретет кто любовь, облачается в Самого Бога. а тому, кто стяжал Бога, необходимо не только не соглашаться на приобретение с Ним чего-либо иного, но и совлечься тела своего (с. 208).

Поскольку рассуждение о сокровенном может относиться к любому уровню предельной онтологической схемы, то и слово «любовь» можно относить к различным уровням духовности. Естественно, с каждым новым виртуальным переходом она будет разной, в зависимости от того, на каком расстоянии от Бога мы находимся, в зависимости от того, насколько очистились.

Любовь к Богу естественно горяча, и, когда нападет на кого без меры, делает душу ту восторженною. Поэтому сердце ощутившего любовь сию не может вмещать и выносить ее, но, по мере качества нашедшей на него любви, усматривается в нем необычайное изменение (с. 396).

И сие-то созерцание духовное бывает пищею ума, пока не укрепитя он и не придет в состояние приять созерцание высшее первого созерцания; потому что одно созерцание передает человека другому созерцанию, пока ум не будет введен в область совершенной любви (с. 269).

Последняя, совершенная любовь есть любовь к Богу.

Глава 11

Антропология Святителя Игнатия Брянчанинова

Епископ Игнатий (Брянчанинов) (1807—1867) — известный русский подвижник и духовный писатель — один из своих трудов «Слово о человеке» специально посвятил православной антропологии.

Сейчас и здесь мы обращаемся к нему по двум причинам: во-первых, святитель Игнатий из тех мыслителей, которым было дано провидеть наше время и его антропология весьма современна и современна; во-вторых, по сравнению со светскими религиозно-философскими изысками отечественных философов, блестящих по форме и интеллектуально мощных, но не всегда и не во всем духовно соответствующих православию — философия Святителя Игнатия подлинно духовна, подлинно православна.

Одной из особенностей этого труда является то, что антропология строится исключительно на православных источниках, Священном Писании и Предании, но при этом «Тайна — человек — отвергается в степени, доступном и нужном для нас, вочеловечившимся Богом, Господом, Иисусом Христом»⁵⁵. Светская же наука и философия отвергается Святителем: «Все, что изрек о сем предмете лжеименный разум падшего человека и бесовский, горделиво и исключительно признающий себя и здоровым и просвещенным, мы оставляем без всякого внимания».

«Слово о человеке» строится по обычному плану: введение, определение человека, мироздание, сотворение человека, тело и душа, силы души, образ и подобие Божие, Рай, введение в рай и совершенство первозданных, падение первозданных, смерть души, подчинение человека дьяволу, земная жизнь, мир, идолопоклонство, смерть и ад, преупование зла на земле. К сожалению, вторая часть этого труда, о пришествии в мир Христа, каковое в полноте раскрывает смысл

55 Здесь и далее цитируется по изданию: Епископ Игнатий. Слово о человеке / Богословские труды Сб. 29. М., 1989. С. 284—316.

и назначение человека на земле, так и не была написана. Труд этот был последним предсмертным произведением подвижника.

Святитель Игнатий дает определение человека:

Человек есть Богозданный храм Божества
по душе и телу.

Это определение он формулирует на основании текстов Священного Писания («свидетельствах Святого Духа»):

Или не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть? Разве вы не то, чем должны быть (2 Кор. 13, 5); Храм Божий свят есть, и этот храм вы (1 Кор. 3, 16, 17); не только души, но и «телеса ваша храм живущего в вас Святого Духа суть, его же имате от имате от Бога, получив в себе при таинстве крещения, и несте свои: куплени бо есте ценою крови Божьего человека. Прославите убо Бога в телесах ваших и в душах ваших, яже суть Божия» (1 Кор. 6, 19, 20).

Священное писание называет всякого вообще человека домом, обителью, сосудом. Тот человек, который не захочет быть домом Божьим, сосудом Божественной Благодати, соделывается домом и сосудом греха и сатаны. Он может быть с самим собой только при посредстве Божественной благодати, в присутствии ее, при действии ее: без нее он делается чуждым самому себе и подчиняется невольно преобладанию падших духов за произвольное устранение из себя благодати, за попрание цели Творца.

Из введенного им определения следуют и принципы образа жизни, который есть форма отражения личности и который должен быть по христиански подвижническим.

Плод правильного, предназначенного Святым духом подвига — обновление подвижника Божественной благодатью и водворение Христа с Его Отцом и Духом в Его храме — человеке.

Необходимо отметить, что именуя человека храмом и домом Божиим, Святитель говорит об этом вполне конкретно, не иносказательно, не метафорически и не символически, а буквально и иносказательно, буквально и метафорически, буквально и символически. Иными словами в этом утверждении полнота смысла, из которой следуют вполне конкретные и практические заключения об организации личностной жизни. Из этого определения следуют и правила молитвенности, и православная церковность, построенная на свободе и ответственности, потому что:

...престол Божества есть ум наш, и наоборот, престол ума есть Божество. Подобно этому по преступлению заповеди Адамом, на его сердце, ум и тело, как на свой престол воссели сатана, начала и силы тьмы. Для разрушения их царства пришел Господь, приняв плоть от Девы, и низложил духов злобы, восседающих в теле, с престолов их: с разума и помышлений в которых они обитали. Господь очистил совесть, соделал своим престолом разум, помышление и тело.

Хотелось бы еще раз остановиться на конкретности и буквальности понимания тезиса «Человек — есть дом Божий». Если смысл переносный и иносказательный еще как-то стал доходить до секуляризованного рассудка, то буквальный, как правило, отбрасывается им, в силу кажущейся парадоксальности. В самом деле, каким образом в ограниченном пространственно существе может поселиться Существо неограниченное ни пространством, ни временем? Каким образом в человека — ничтожную часть Космоса может поместиться весь Космос? Это логическое противоречие немедленно усматривают люди науки, хотя на самом деле тут никакого противоречия нет, напротив, это всего лишь подтверждение того, что Мир, созданный Богом, гораздо больше, чем пространство собственной кухни. Причем, не видно противоречия как раз с научной точки зрения. Наука, в частности математика, знает, что число точек на ограниченном отрезке прямой бесконечно и не просто бесконечно — несчетно. Знает математика и фигуру ограничен-

ного объема, но бесконечной поверхности — так называемый сапог Шварца. Современная топология хорошо изучила поверхности, обладающие самоизнаночностью, типа листа Мебиуса и т.д. и т.п. Если мы можем мыслить и оперировать таким объектами, обладающими странными на наш обыденный взгляд свойствами, почему же у нас вызывает удивление свойства Бога, о которых мы и судить то недостойны?

Следует обратить внимание на то, что такие качества как разум, помышление (воля), тело также подаются в виде чего-то, что может наполняться, иными словами являются формами по существу, а не наполнениями, формальными, а не содержательными понятиями. В этом, пожалуй, один из главных лейтмотивов вообще православной антропологии.

Далее Святитель сообразно определению человека описывает его место в мироздании и истории, и, прежде, всего в мироздании.

Сотворением человека Творец заключил мироздание, т.е. сотворение миров видимого и невидимого. <...> Извлекал он все из ничтожества единым словом. <...> Земля, созданная, украшенная, благословенная Богом не имела никаких недостатков. <...> Ныне взорам нашим представляется земля совсем в ином виде. Мы не знаем ее состояния в святой девственности; мы знаем ее в состоянии растления и проклятия. Смерть взошла в мир грехом (Рим. 5, 12), быстро объяла, заразила, неисцельно повредила мир.

Мир был создан целостным и единым, но затем в результате грехопадения для человека разделился на видимый (вещественный) и невидимый (духовный, ангелический). Стало быть, понятия «видимый» и «невидимый» мир относительно, как относительно понятия вещественное и духовное. Они относятся более к познавательной способности человека.

Слово Божие доставляет познания, необходимые для жительства богоугодного — жительства богоугодное содействует человека обителю

Святого Духа, Который и научает своеобразно, не по стихиям мира, словесный сосуд Свой высокому учению Божественной истины, невыносимому и несвойственному для разума плотского и душевного. (Ин. 16, 12.13; 1 Кор. 2, 13.14).

В противоположность познанию по Слову Божьему

... науки человеческие, будучи плодом падения, удовлетворяя человека, представляя ему Божию благодать и самого Бога ненужными, хуля, отвергая, уничижая Святого Духа, соделались сильнейшим орудием и средством греха и дьявола для поддержания и укрепления падения. Свет человек соединился со светом демонов и образовал человеческую ученость (премудрость). Объятый недугом учености, мудрец мира сего подчиняет все своему разуму и служит сам для себя кумиром, осуществляя собой предложение сатаны: «будите яко бози, ведущи доброе и лукавое». <...> Ученость есть мерзость и безумие пред Богом; она беснование. Слепоту свою она провозглашает удовлетворительнейшим ведением и видением, и таким образом соделывает слепоту неисцельною, а хранимое ею падение неотъемлемым достоинством злосчастного книжника и фарисея. (Ин. 9, 41). <...> По водворению веры Христианской в мире ученость родила бесчисленные ереси и ими старалась ниспровергнуть Святую Веру. Величайшее злодеяние — убийство Богочеловека — совершено учеными во имя мудрости их и закона их (Ин. 11, 49. 50). в наше время ученость возвращает язычников, принявших христианство, к язычеству и, отвергая Христианство, вводит снова идолопоклонство и служение сатане, изменив формы для удобнейшего обольщения человечества.

Редкий, весьма редкий книжник научается царствию небесному и износит новое учение Духа пред обществом собратий своих, облекая это учение в ветхие рубища учености человеческой для того, чтобы оно было удобнее принято любящими более ветхое, нежели новое (Мф. 13, 52; Лк. 5, 39).

Бог сотворил человека по образу и подобию Своему, это означает, что Человек был:

... отпечатком Божества не только по существу своему, но и по нравственным качествам — по премудрости, по благодати, по святой чистоте, по постоянству в добре. Полнота схождения необходима была для того, чтоб человек удовлетворял своему назначению — быть храмом всеовершенного Бога. Ум человека долженствовал быть Умом Божиим (1 Кор. 2, 16), слово его долженствовало быть Словом Божиим (1 Кор. 7, 12; 2 Кор. 13, 3), дух его должен быть соединен с Духом Божиим (1 Кор. 6, 17), его качества должны быть Богоподобными (Мф. 5, 48). Вселение Бога в человека есть вместе и теснейшее соединение Бога с человеком; человек-тварь соделывается причастником Божественного естества (2 Пет. 1, 4)!

Душа от первого видимого действия, свидетельствующего о присутствии ее в человеке, названа «дыханием жизни»; самое вдохновение ее отнесено к лицу человека, как к той части тела, которая одна по преимуществу служит зеркалом души, выражая на себе характер ее движений и ощущений. Весь человек наименован «живою душою», потому, что по соединению души с телом он сделался единым существом, состоящим из души и тела, но существом в котором полное преобладание имеет душа. Тело — дом души, ее одеяние, ее орудие.

Душа бестелесна, но лишь относительно человека.

Ибо одно только Божество в собственном смысле невещественно и бестелесно. Еще Бог сотворил и чувственную природу, то есть небо, землю и все, что между ними. и первую природу сотворил Он близко к Себе — ибо разумная и одним умом постигаемая природа близка Богу; а другую, как подлежащую чувствам, сотворил по всем отношениям весьма далекою от Себя. Но надлежало явиться существу, смешанному из сих двух природ, которое показывало бы большую премудрость и щедроту

Творца к той и другой, и как говорит Богоглаголивый Григорий, было бы как бы некоторым союзом природы видимой и невидимой.

Иными словами, душа субстанциональна и вещественна в той же степени, как и существа населяющие горний мир — ангелы. Но виртуальна и невещественна в чувственных глазах грубой материи, относительного грубого дольного мира. Человек душевно-телесный грубо-тонкий предназначен выполнять роль: связующего звена; посредника; вестника; ангела земного, завершающего картину Творения Божьего,— вот почему он и именуется венцом творения.

Душа (внутренний человек) во всем подобна внешнему человеку, имеет органы чувств, имеет члены, пространственно ограничена (в трех измерениях) телом человека, только природа ее более тонка, что не дает возможности непосредственно видеть её обычными (не душевными) органами чувств.

Тело первого человека было в совершенном согласии с душою, а душа находилась в совершенном согласии с духом, то есть с силою слова — этим высшим достоинством души человеческой. Борьба между составными частями человека — это обнаружение внутри живущей смерти — борьба, ныне не прекращающаяся ни днем, ни ночью.

Святитель Игнатий дает следующее определение душе:

Душа — подобно ангелам, имеет ум, духовное чувство, свободную волю, но, как тварь, ограничена и по существу своему и по свойствам своим; по причине этой ограниченности имеет и свою степень тонкости, может содержаться, и содержится, в нашем грубом теле, может быть заключена в адской темнице, может быть подвержена адским мукам <...>, может, если будет допущена, перемещать места, может быть помещена в раю <...>; она способна к высшему наслаждению, наслаждению внутреннему, являющемуся в сердце и распространяющемуся по всему человеку, сообщаемому даже его телу, состоящему в об-

щении с Богом, года Бог соделывает достойную душу, по ее назначению, Свою обителью; она наконец, имеет свой вид, который подобен виду человека в его теле, т.е. душа имеет главу, и перси, и ноги, и очи, и уши, словом все члены, как и тело; душа облечена в тело, как в одежду, а члены ее облечены в соответствующие члены тела.

Душа имеет три силы: силу словесности, силу желания или воли, силу мужества (ярость, характер, энергия, твердость).

В Силе словесности напечатлен преимущественно образ Триипостасного Бога. Что же такое образ Божий если не ум? — говорит св. Иоанн Дамаскин (Изложение Православной Веры, книга 3, гл. 18). Ум человеческий постоянно рождает в себе и из себя мысль, или внутреннее слово, неслитен и неразделен с мыслью, не может быть без нее, так как мысль опять составляет отдельное проявление этой же силы, другое лицо ее, будучи вместе с тем неотлучна от ума. Ум невидим и непостижим сам по себе; является и открывается в мысли своей; мысль, чтоб открыться в стране вещества, должна воплощаться, так сказать, в звуки и знаки. Третье проявление, или лицо той же силы, видим духе нашем, который есть словесное или умное чувство сердца, исходящее и зависящее от ума, содействующее и сообразующееся мысли. в этом словесном чувстве положено Творцом создание добра и зла, именуемое совестью.

Управление человеком принадлежит словесной силе, которая в непорочном состоянии действовала согласно с силою воли и силою мужества или твердости. Воля стремилась к Богу; сила твердости содержала человека постоянно в его правильном стремлении; силою словесною человек пребывал в непрерывном соединении с Богом. <...> По падению они стали бороться и препираться между собою. Самый дух наш соделался обличителем своего начала — ума, подвергшегося омрачению, борется с мыслями, приводит их к разноречию и сбивчивости и сам увлекается обольщенными мыслями.

Далее Святитель Игнатий подробно описывает состояние падшего человека и мира, преуспияние зла на земле и то печальное и мучительное положение, в которое вверг себя человек в результате первородного греха. Подробно на этом здесь останавливаться не будем. Заканчивается труд Святителя Игнатия словами:

Теперь переходим к отраднейшему зрелищу. Приготовим, предпочтим себя слезами покаяния и, отвлекши ум и сердце от всех земных попечений, присоединимся к сонмам Святых Ангелов, чтобы предаться вместе с ними священному созерцанию вочеловечения Бога-Слова, чтоб вместе с ними в священном удивлении и радости воспеть: Слава в вышних Богу, и на земли мир, во человецех благоволение (Лк. 2, 14).

К сожалению, этой важнейшей части работы, раскрывающей смысл существа человеческого через подвиг Сына Человеческого, не суждено было состояться.

Заключение

Православная антропология и православная наука

Православная антропология тема необъятная. В данной работе удалось лишь прикоснуться к некоторым ее аспектам. Многое и весьма важное, а в учении о человеке православной церкви нет ничего второстепенного, осталось за пределами нашего внимания. Это хотелось бы подчеркнуть в заключении. Так, в работе лишь упоминалось церковное бытие личности и роль земной церкви в ее становлении. Этот важнейший для православия момент, ибо соборность личности почти тождественна церковности. Он требует специального и отдельного обсуждения. Не достаточно уделено внимания, также, рассмотрению пути аскезы, в силу того, что этот вопрос требует соответствующей духовной компетенции. Можно надеяться, что исследования в области православной антропологии не прекратятся, и цель их, в общих чертах, заключается в том, чтобы предоставить образованной публике такие же знания о человеке, какими обладает каждая деревенская старушка, регулярно посещающая храм Божий. Без этого знания невозможна сегодня никакая созидательная деятельность.

Потому что, к сожалению, традиционная светская наука не имеет никакого представления о целостном человеке, в силу своей частичности и фрагментарности.

Не знает человека и врачебная наука, что на практике выливается в жесткий вопрос: что лечить будем — человека или болезнь. Медицина не может лечить человека, потому что он для нее скопище болезней. Впрочем, и что такое болезнь медицина тоже не знает. Медицина не может бороться со смертью, потому что ей неизвестно, что такое смерть.

Не знает человека и психология, придумывающая различные его схемы и структуры. Причем, каждая из психологических школ претендует на свой приоритет в понимании своего предмета. Если попытаться собрать все их вместе: бихевиоризм, необихевиоризм,

фрейдизм, гештальтпсихологию, когнитивную психологию, гуманитарную психологию и т.д., а затем каждому из этих направлений показать своего «человека», то полученное в результате «собрание» было бы находкой для современных фантастов. Психологи, надо отдать им должное, подчас защищаются тем, что утверждают, что их задача не знать, а уметь. То есть схемы (парадигмы) человека имеют не объяснительное, а инструментальное значение. Это, по крайней мере, честно, но можно ли, не зная внутреннего устройства и предназначения, подбирать инструмент для его ремонта?

Естественно и социальные науки, также, никакого представления ни о своем предмете «обществе», ни об образующих обществе чловецех не имеют, коль до сих пор не договорились, человек создает общество или общество человека.

Фрагментарное, частичное, аналитическое знание имело определенные преимущества (в основном инструментального характера) перед целостным знанием. Но на сегодняшний день эти преимущества исчерпаны. Особенно это касается решения бытийных вопросов глобального характера, острота которых возрастает с каждым днем.

Парадокс нашего времени в том, что и на словах, и в действительности человек ставится цивилизацией в центр мироздания, но насильственно с помощью искусственных средств — которые уничают его как личность.

Современным гуманизаторам, если они действительно заботятся о человеке, следовало бы взять на вооружение лозунг «Личность в опасности!». Но вера в прогресс и вера в его всеисилие не дает увидеть очевидное.

Пример: итог дискуссии в компьютерных сетях еще 95 года прошлого века.

1. В настоящее время в глобальной сети Интернет насчитывается 3,8 млн. узловых машин, количество пользовательских машин приближается к 40 млн. Каждый год эти цифры удваиваются. Узловые машины набиты информацией всесторонне охватывающей все области чело-

вещеского знания. Если сравнить узловую машину с нейроном, а каналы связи с нервными окончаниями, то получим гигантский мозг. Каждый нейрон (узел) хранит часть информации, но благодаря связям они представляют собой единое информационное пространство. Конечно, этот гигантский мозг пока весьма примитивен и работает на создателей, но совершенствуется и развивается весьма быстрыми темпами.

2. По мере развития программные системы связи и взаимодействия их составных частей настолько усложнились, что в их работе появилась свойственная человеку неопределенность и неоднозначность. Думаю, это хорошо знакомо системным администраторам UNIX систем, когда система при одинаковых исходных условиях ведет себя весьма неоднозначно. Что решается «сносом системы с машины и новой переустановкой». В «Компьютер-пресс» №11 в статье «Там, где пересекаются параллели» упоминаются «программы — агенты». Они перемещаются по сетям и выполняют поручения отправителей: заказывают билеты на самолет, покупают вещи в магазинах, включают приборы и т.д.

3. У нас на глазах возникает небиологическая жизнь. Она имеет свою среду обитания (компьютерные сети), средства общения между собой (протоколы), средства общения с нами (речевые и графические интерфейсы), даже некоторые инструменты воздействия на наш мир (АСУТП, периферия и т.д.). Пока эта жизнь весьма глупа и примитивна, полностью контролируется и работает на нас.

Вывод: Человечество занялось сооружением мыслительного аппарата и инструментов для извечного соперника Бога. То есть, мы занимаемся очень даже не своим делом.

Сегодня все, о чем здесь беспокоились программисты (а именно они были участниками этой дискуссии) только обострилось. Их беспокойство не удивительно, так как те, кто создает сети и компьютеры как никто другой реально представляют себе возможности всего это-

го. Впрочем, развитие глобальных телекоммуникаций — только часть общей цивилизационной проблемы.

Практическая задача православной антропологии, как раз в том и состоит, чтобы защитить личность всех нас, в том числе и тех, кто работает над совершенствованием экономики, техники и науки. Наука этого сделать не сможет хотя бы потому, что не способна даже теоретически развести понятия человек и машина.

Кроме того, православная антропология, занимая как бы, промежуточное положение между антропологией философской и Православным богословием, в этом своем качестве может послужить системообразующим фактором создания православной науки.

Автор благодарит верстальщика Калмыкова Г. А. и корректора Куренкову П. К., за помощь в обработке и оформлении этого непростого текста.

Библиография

Аристотель. Никомахова этика. // Сочинения. т. 4. М., 1983. С. 236—237.

Архиепископ Сергей Старгородский. Православное учение о Спасении. М.: Просветитель, 1991.

Белова Т.В. Личность, как Ипостась, как самостное существование / Человек, Общество, Вселенная. М.: ГАВС, 1994.

Вернадский В.И. Философские записки натуралиста. М., 1987.

Гуревич П.С., Степин В.С. Философская антропология: Очерк Истории / Философские исследования 1-2. М., 1994.

Древнерусская притча. М.: Сов. Россия, 1991.

Епископ Александр (Семенов — Тянь-Шанский). Православный Катехизис. М., 1992.

Епископ Игнатий. Слово о человеке / Богословские труды Сб. 29. М., 1989. С. 284 – 316.

Калмыков А.А. Во исцелении души и тела. / Христианский вестник №1, 1994.

Калмыков А.А. Новая общенаучная парадигма и Мир Божий / Человек, Общество, Вселенная. М.: ГА ВС, 1994.

Карташев А.В. Вселенские Соборы. М.: Республика, 1994.

Керлот Х.Э. Словарь символов. М.: REFL-book, 1994.

Кон И.С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.

Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990.

Лосский В.Н. Догматическое богословие. М., 1991.

Лосский В.Н. Очерк мистического богословия восточной церкви. М.: Центр «СЭИ», 1991.

Носов Н.А. Психологические виртуальные реальности. М.: Человек, 1994.

Опыт раскрытия нравственно-субъективной стороны спасения на основании Св. Писания и творений Святоотеческих Архимандрита Сергия. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1898.

Плугин В.А. Мировоззрение Андрея Рублева: (некоторые проблемы): древнерусская живопись как исторический источник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974.

Полный Православный Богословский Энциклопедический словарь. Репринт. М., 1992 г.

Православный молитвослов и псалтирь. М.: Изд. Моск. Патриархии, 1988.

Преподобный Иосиф Волоцкий. М.: Просветитель, 1993.

Пролог в поучениях / сост. Протоиерей Виктор Гурьев. Изд. Св.-Троицкой Сергиевской Лавры, 1992.

Ручная нравственная книжка для христианина. М., 1995.

Святитель Игнатий (Брянчанинов). Слово о человеке / Богословские труды № 29. М.: Изд. Московской патриархии, 1989.

Творения иже во святых отца нашего Аввы Исаака Сирианина, подвижника и отшельника, бывшего епископом христолюбиваго града Ниневии. Слова подвижнические. Сергиев Посад, 1911.

Творения святого Иоанна Златоуста. Слово о Марфе и Марии / Т. X, кн. 2. Свято-Успенская Почаевская Лавра, 2009.

Федоров Н.Ф. Сочинения. М., Мысль. 1982.

Флоренский П.В. Столп и утверждение истины / Том 1. М.: Правда, 1990.

Франк С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии. М.: Правда. 1990.